

80
356. 10 p. 0 35

С. ПОСЛАНИЕ.

РУССКІЕ ПРАЗДНИКИ
ПОСЛАНИЕ
ТКОБЪ.

№52429.

Безплатное Приложене
къ Журналу
Русскій Паломникъ.

~~12388~~ ~~91~~
~~19928~~

ПУТЕШЕСТВІЯ Н. М. ПРЖЕВАЛЬСКАГО.

Составилъ въ формѣ разсказовъ, по подлиннымъ сочиненіямъ,

А. В. Зеленинъ.

Въ 2-хъ томахъ, большого формата. Около 1.000 страницъ.
Съ многочисленными рисунками и картою путешествій.

Цѣна за 2 тома 4 руб., въ изящныхъ переплетахъ 5 руб.

Подлинныя описанія путешествій Н. М. Пржевальскаго недоступны для большинства публики по своей дороговизнѣ и объему, а нѣкоторыя и по рѣдкости изданія. Наше изданіе, сохраняя всѣ достоинства оригинала, является доступнымъ какъ по своей цѣнѣ, такъ и по легкости изложенія.

Академикъ К. С. Веселовскій въ торжественномъ собраніи Академіи Наукъ произнесъ: ...Есть счастье и мена, которыя довольно произнести, чтобы возбудить въ слушателяхъ представленіе о чьей-то величавости и общезначительности. Таково имя Пржевальскаго. Я не думаю, чтобы на вселенной необъятной пространствѣ земли русской нашелся хоть одинъ сколько-нибудь образованный человекъ, который бы не зналъ, что это за имя... Имя Пржевальскаго будетъ отнынѣ синонимомъ безстрашія и энергіи въ борьбѣ съ природою и людьми и беззаветной преданности наукъ...

Издательство П. П. СОЙКИНА, Петроградъ, Стремянная, 12

согласныхъ съ ученіемъ Христа, хотя и не отрицаетъ тѣхъ таинственныхъ утѣшеній, которыя душа, достигши праведности, можетъ испытывать въ извѣстныя высочайшія минуты своей жизни.

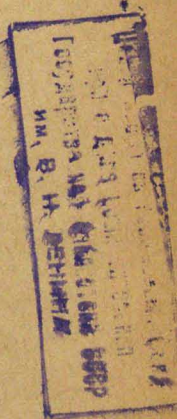
Ложные же мистики, противъ которыхъ приходилось возставать отцу Филарету, стали помимо всякихъ подвиговъ, помимо дѣлъ, достойныхъ христіанина, искать сверхъестественныхъ благодатныхъ утѣшеній. Они впадали въ самообольщеніе, искали какихъ-то высокихъ восторговъ черезъ самые странные пути, вродѣ скаканій и верченій, чѣмъ особенно отличался кружокъ извѣстной болѣзненно направленной Татариновой.

Такъ какъ это болѣзненное направленіе находилось подъ защитой раздѣлявшаго его вліятельнѣйшаго вельможи, князя Александра Николаевича Голицына, то немногіе рѣшались открыто выступать противъ этого зловреднаго ученія.

Когда, въ 1818 году, нѣкоторый Становичъ издалъ книгу въ обличеніе этого мистическаго болѣзненнаго направленія, подъ заглавіемъ: «Бесѣда надъ гробомъ младенца о безсмертіи души», авторъ ея въ двадцать четыре часа былъ высланъ изъ столицы. Когда, въ 1820 году, въ одной изъ своихъ проповѣдей рѣзко сталъ обличать мистиковъ законоучитель кадетскаго корпуса іеромонахъ Фотій, сдѣлавшійся особенно извѣстнымъ въ послѣдствіи въ должности настоятеля Новгородскаго Юрьева монастыря, онъ въ томъ же году былъ удаленъ изъ Петрограда. То, чего не могли сдѣлать болѣе образованные люди, то совершилъ мало образованный, но духовно опытный подвижникъ, затерянный въ сельской пустыни.

Въ 1823 году отецъ Филаретъ, находясь въ Петроградѣ, былъ многократно принимаемъ Московскимъ архіепископомъ Филаретомъ, который былъ чрезвычайно занятъ вопросомъ о томъ, чтобы избавить князя Голицына, человѣка вѣрующей души, способнаго къ глубокимъ религіознымъ переживаніямъ, отъ его заблужденія. Отецъ Филаретъ Глинскій дѣйствовалъ на князя Голицына своей пламенной ревностью о спасеніи ближняго, и князь какъ-то непосредственно чувствовалъ какую-то внутреннюю силу, исходившую отъ подвижника и согрѣвавшую его сердце. Вслѣдъ за княземъ Голицынымъ, отца Филарета стали приглашать и другія лица высшаго столичнаго круга. Во многихъ знатныхъ домахъ онъ велъ духовныя бесѣды, при чемъ—ему приходилось вступать въ состязаніе съ неправомыслящими людьми, изъ которыхъ онъ однихъ убѣждалъ своими убѣжденіями, а другихъ обращалъ на путь спасенія.

Случилось однажды, въ пасхальную недѣлю, отцу Филарету въ одномъ высокопоставленномъ домѣ—въ присутствіи большого свѣтскаго общества—слышать отъ одного изъ гостей

грубое осужденіе служителей церкви и затѣмъ неправое сужденіе объ его умной молитвѣ. Долго молча слушалъ отецъ Филаретъ; наконецъ, онъ былъ такъ возмущенъ слышаннымъ, что не могъ не сказать своего слова. Это слово выразилось у него съ великой силою и властью. Онъ сокрушилъ, одно за другимъ, всѣ положенія неправомыслящихъ и, въ заключеніе своей рѣчи, изложилъ святоотеческое ученіе о внутреннемъ дѣланіи отъ начала до конца; противникъ его былъ совершенно побѣжденъ его рѣчью.

Въ столицѣ стали много говорить объ этой бесѣдѣ. Стали особенно ревностно приглашать къ себѣ отца Филарета, и всюду онъ сѣялъ доброе сѣмя, на какую бы почву оно ни должно было упасть.

Когда отецъ Филаретъ вернулся въ Глинскую пустынь, ему прислали изъ Петрограда для отзыва печатныя книги, которыя были неправославнаго мистическаго направленія. Отецъ Филаретъ вычеркнулъ всѣ неправильности и отослалъ книги обратно. Между прочимъ, на слова мистиковъ о томъ, что сердечная молитва благодатно ощущается въ правой сторонѣ груди, отецъ Филаретъ весьма резонно возразилъ, что какъ же тамъ можетъ ощущаться дѣйствіе молитвы, когда сердце находится у человѣка въ лѣвой сторонѣ груди? Въ доказательство своихъ взглядовъ отецъ Филаретъ называлъ не только названія книгъ, изъ которыхъ онъ приводилъ выдержки, но даже самыя главы или страницъ: такая блестящая у него была память.

Во свидѣтельство этого подвига опроверженія направленія мистиковъ сохранились собственноручныя записки отца Филарета въ его бумагахъ, помѣченныя 1833-мъ годомъ: «Лабзинъ побѣжденъ, и ладья его погружена и адова врата церкви Божіей не одолѣютъ».

Въ 1822 году Лабзинъ былъ отставленъ отъ должности президента Академіи художествъ и высланъ въ Симбирскую губернію, а черезъ два года и князь Голицынъ уволенъ отъ своихъ высокыхъ должностей.

Памятно то участіе, которое принималъ отецъ Филаретъ въ началѣ царствованія императора Николая Павловича въ вопросѣ о сохраненіи монашества. Въ небольшомъ кружкѣ петроградскаго высшаго бѣлаго духовенства возникло движеніе противъ монашества, къ которому примкнула и часть высшаго общества. Государь пожелалъ немедленно рѣшить вопросъ о монашествѣ въ своемъ присутствіи, и, между прочимъ, былъ посланъ фельдъегерь, чтобы немедленно привезти въ Петроградъ отца Филарета, славившагося въ столицѣ мудростію и своею праведною жизнію. Въ это же время былъ въ Петроградѣ другой подвижникъ, Евгеній, изъ Астраханской епар-

хи. Оба они вмѣстѣ были у государя и въ его присутствіи спорили съ противниками монашества и своими простыми бесѣдами опровергли всѣ доводы противниковъ монашества.

Знатокъ духовной жизни, самъ возстановитель монашескихъ обителей, отецъ Филаретъ, конечно, болѣе, чѣмъ кто-нибудь другой, могъ быть прекраснымъ составителемъ общежительныхъ иноческихъ уставовъ и, дѣйствительно, онъ составилъ ихъ для женскаго общежитія и способствовалъ благоустройству обителей Екатеринбургской, Новотихвинской, Борисовской и Уфимской. Въ Борисовской пустыни, Курской епархіи, онъ самъ и ввелъ общежительный уставъ. Интересно, что эта очень многолюдная обитель находилась подъ вліяніемъ одновременно двухъ духовныхъ руководителей: часть ея относилась къ старцу Леониду Оптинскому, а другая—къ старцу Филарету Глинскому.

Отъ Уфимскаго Благовѣщенскаго женскаго монастыря, возникшаго подъ духовнымъ руководствомъ отца Филарета, выросло шесть обителей: Одигитріевская Богородицкая въ Челябинскѣ; Оренбургской епархіи—Казанская, въ г. Троицкѣ; въ той же епархіи—Успенская, въ самомъ городѣ Оренбургѣ, Тихвино-Богородицкая—въ г. Бузулукѣ, Самарской губерніи; затѣмъ въ Уфимской губерніи: Пророко-Ильинская, въ городѣ Мензелинскѣ, и въ городѣ Бирскѣ—Троицкая.

Въ 1824 году въ Петроградѣ была издана составленная отцомъ Филаретомъ книга: «Поученіе къ новопостриженнымъ монахамъ». Эта книга разбираетъ важнѣйшіе вопросы не только монашеской, но и, вообще, христіанской жизни. Кромѣ того, отцомъ Филаретомъ составлены наставленія о должности духовнаго служенія для инокинь, брошюра о явленіи Пустынно-Глинской чудотворной иконы и краткое описаніе Глинской пустыни.

Отецъ Филаретъ имѣлъ большое влеченіе къ письменности, и въ Софроніевой пустыни, гдѣ у него находилось свободное время отъ сложныхъ, при продолжительности богослуженія, обязанностей церковнаго уставщика и благочиннаго, а также и садовника, онъ принимался за переписку книгъ.

Тогда поучительныя изданія святоотеческихъ твореній были рѣдки и дороги, и отецъ Филаретъ съ охотой переписывалъ эти творенія, нѣкоторыя церковныя службы и нотныя книги. До сихъ поръ въ Глинской пустыни хранится переписанная рукой отца Филарета «Лѣствица» преподобнаго Іоанна Лѣстничника, служба иконѣ Божіей Матери Иверской и нѣкоторыя другія. Отецъ Филаретъ былъ великій искусникъ въ перепискѣ книгъ уставомъ, такъ что неопытный глазъ еле отличить его работу отъ печатныхъ книгъ. Онъ выводилъ красиво

и сложно заглавныя буквы, разрисованныя киноварью, и надо изумляться тому терпѣнію, съ которымъ онъ — медленнымъ уставнымъ письмомъ — переписалъ сто шестьдесятъ шесть листовъ большаго формата. Это показываетъ, до какой степени онъ привыкъ доводить свои дѣла до конца. Съ какой быстротой онъ работалъ, видно по расчисленію, что на всякій день приходилось не менѣе четырехъ страницъ, и, несомнѣнно, онъ употреблялъ на эту работу значительную часть ночи. Переписчикъ книгъ, выводящій затѣйливыя заглавныя буквы, долженъ умѣть рисовать, а отецъ Филаретъ рисовалъ искусно, — выучившись еще мальчишкой, — дѣлая снимки съ гравюръ, эстамповъ и очень красиво отдѣлывая тонкимъ перомъ разные виды и даже лики святыхъ.

Такъ же красиво переписывалъ отецъ Филаретъ и нотныя книги. Онъ самъ, какъ знатокъ пѣнія, перелагалъ священныя пѣснопѣнія, особенно хорошо владея древнимъ кіево-печерскимъ распѣвомъ.

Отецъ Филаретъ, какъ знатокъ пѣнія, самъ руководилъ клиросомъ и подъ его управленіемъ братія пѣла такъ хорошо, что богомольцы умилялись до слезъ. Онъ прекрасно понималъ, самъ усердный молитвенникъ, что только то пѣніе, которое хорошо усвоено пѣвцами, они могутъ пѣть съ чувствомъ и способствовать молитвѣ народа. Поэтому, онъ хорошо разученное, простое, несложное пѣніе предпочиталъ часто примѣняемымъ сложнымъ композиціямъ. Онъ справедливо полагалъ, что чѣмъ больше искусственности и вымысла въ пѣніи, тѣмъ болѣе холодными оно оставляетъ душу и сердце, и онъ былъ противъ пѣнія, въ которомъ громовые раскаты чередуются съ еле слышными звуками, и которое не можетъ возвысить душу человѣческую до Бога.

Онъ былъ сторонникомъ и проводителемъ древне-церковныхъ мелодій. Онъ особенно настаивалъ на томъ, чтобы слова пѣснопѣній произносились внятно, раздѣльно, понятно, и вслѣдствіе этого — богослуженіе Глинской пустыни, хотя и было весьма длительно, но легко выносилось слушающими. Такъ, праздничныя бдѣнія продолжались по пяти — шести часовъ, а утреннее будничное — съ полуночи до восхода солнца. Ему удалось завести въ своей пустыни величественное и торжественное богослуженіе, глубоко дѣйствовавшее на народъ.

При установленіи этого богослуженія ему, конечно, пришлось вынести много трудовъ, а также и приложить очень много настойчивости.

Отецъ Филаретъ предвидѣлъ, что послѣ его кончины явятся разныя покушенія на его уставъ, и поэтому — онъ почелъ нужнымъ составить письменный уставъ, утвержденный высшею

церковною властью. Онъ написалъ Глинскій уставъ изъ трехъ отдѣловъ въ тридцати шести главахъ. Въ первомъ отдѣлѣ указаны чинъ богослуженія, повиновенія и порядокъ въ трапезѣ, во второй описаны послушанія—общія и келейныя, въ третьемъ отдѣлѣ—сложныя обязанности настоятеля и старшія монастырскія должности.

III. Келейная жизнь о. Филарета.

Какъ же жилъ самъ отецъ Филаретъ?

Его помѣщеніе было тѣсно, состояло изъ трехъ комнатъ съ прихожей. Занималъ онъ, собственно, только одну комнату, а другія служили для пріема посѣтителей. Его личная келья, служившая ему и спальней, и кабинетомъ и молельней, имѣла въ длину шесть, а въ ширину—три аршина. Въ ней было одно окно, выходившее на сѣверъ, и оно было почти всегда закрыто простой занавѣской. Только въ лѣтніе долгіе дни, передъ заходомъ, сюда падало солнце. Деревянная скамья, съ прибитыми сверху стѣнками, вродѣ гроба—служила ему ложемъ, на которомъ лежалъ вмѣсто матраца мѣшокъ, набитый сѣномъ, и такая же подушка. Тутъ онъ отдыхалъ, тутъ онъ и занимался письмомъ; къ окну былъ, на двухъ подножкахъ, приставленъ деревянный столъ. Два простыхъ стула, одинъ полушкафчикъ и нѣсколько деревянныхъ полочекъ въ углу съ книгами: вотъ, вся обстановка кельи отца Филарета. При этой бѣдности все въ ней было въ высшей степени опрятно, все онъ прибиралъ своими руками. Всѣ вещи были самыя простыя: подсвѣчники изъ листоватаго желѣза, сбитые монастырскимъ кузнецомъ; деревянная, употреблявшаяся имъ, песочница была залѣплена коегдѣ сургучемъ. Все это служило отцу Филарету по нѣскольку десятковъ лѣтъ. Эта бѣдная, до убожества, келья была мѣстомъ его постоянныхъ трудовъ, его неустанныхъ ночныхъ молитвъ, его жестокой борьбы съ врагомъ спасенія.

Тутъ онъ однажды, при чтеніи акаѣиста Божіей Матери, удостоился видѣть Пречистую Дѣву. Тутъ онъ часто сидѣлъ за своими письменными занятіями или за бесѣдой съ братьями до полуночи, когда — послѣ удара колокола — первымъ спѣшилъ въ церковь.

Кромѣ тѣхъ письменныхъ трудовъ, о которыхъ было упомянуто выше, отцу Филарету приходилось вести значительную переписку по управленію монастыремъ, громадную переписку съ разными благодѣтелями обители и почитателями старца, которые жили по разнымъ мѣстамъ Россіи. Говорятъ, что ежегодно онъ писалъ до семисотъ пятидесяти писемъ, изъ которыхъ большинство было важнаго содержанія и служило отвѣтомъ на важные духовные запросы. Это лишній разъ доказы-

ваетъ, насколько отецъ Филаретъ считалъ себя не принадлежащимъ себѣ и жертвовалъ собою Богу и ближнимъ. Двери его кельи были всегда, даже ночью, для всѣхъ открыты. Онъ былъ доступенъ, простъ и добръ въ обращеніи и всѣхъ принималъ съ радостью.

Какъ-то монахъ, отецъ Іоиль, впоследствии ставшій великимъ подвижникомъ подъ именемъ іеросхимонаха Иліодора, рассказалъ ему о страхѣ ночномъ, который онъ испыталъ отъ врага спасенія. Тогда отецъ Филаретъ повѣдалъ отцу Іоилію ужасное видѣніе, которое было ему самому въ прошедшую ночь, въ видѣ страшнаго эѳіопа съ оскаленными зубами и огненными глазами. Отецъ Филаретъ не испугался этого страшнаго явленія, но перекрестился и продолжалъ свое молитвенное ночное правило.

Если черты лица отражаютъ внутреннее настроеніе души, то ликъ старца Филарета говорилъ о его праведной жизни. Какая-то дѣвственная чистота, душевный миръ и благорасположеніе отражались на этомъ лицѣ. Отъ постоянной борьбы съ собою и строгаго воздержанія тѣло его имѣло видъ костей, обтянутыхъ кожей, и вся жизнь сосредоточена была въ выразительныхъ, искрящихся глазахъ. Келейникъ старца Филарета свидѣтельствуешь, что вмѣсто утренняго чая, послѣ поздней литургіи, отецъ Филаретъ крошилъ въ чашку черный хлѣбъ, заливалъ этотъ хлѣбъ водою или квасомъ и ѣлъ эту снѣдь, прибавивъ немного постнаго масла.

Отецъ Филаретъ, вслѣдствіе того, что ему приходилось часто быть занятымъ посѣтителеми во время монастырской трапезы, а, можетъ быть, главнымъ образомъ изъ желанія строжайшаго поста, — вкушалъ, большею частію, пищу по вечерамъ. Послѣдніе же годы жизни онъ, ссылаясь на болѣзнь, питался одной ячневой кашей, безъ соли и масла.

Радушно встрѣчаемый въ міру многочисленными своими почитателями и приглашаемый ими къ столу, отецъ Филаретъ только дѣлалъ видъ, что вкушаетъ предлагаемыя ему блюда и едва прикасался къ нимъ, занимая лицъ, сидѣвшихъ за трапезой, духовной бесѣдой.

Келейникъ его свидѣтельствуешь, что отецъ Филаретъ никогда не касался своей рукой какого-нибудь плода и принималъ его только тогда, когда ему его предлагали. Все же лучшее онъ оставлялъ для благодѣтелей Глинской пустыни или передавалъ на трапезу братіи.

О томъ, какъ инокамъ надо держать себя на уздѣ, старецъ говаривалъ такъ:

— Если тѣло твое начинаетъ рѣзвиться, то немедленно накинь на него узду строгаго воздержанія; если же тѣло изнемо-

гаеть, дай ему отдыхъ и благоразумно подкрѣплай его, ибо, если будешь понуждать тѣло свое выше мѣры, то приведешь его въ возмущеніе...

Относительно соблюденія поста на людяхъ, напр., въ гостяхъ, старецъ заповѣдывалъ своимъ ученикамъ, что если въ постные дни, кромѣ великаго поста, будетъ предложена трапеза съ масломъ и рыбой, не отказываться отъ нея, но вкушать, укоряя себя, чтобы этимъ уничтожить въ себѣ высокую мысль о своемъ постничествѣ. Если же кто спроситъ, что готовить,—то уже не отступать отъ правила постничества, соблюдаемаго обычно въ обители.

Отецъ Филаретъ зналъ на опытъ, какъ важенъ для монаха тѣлесный трудъ. Часто его можно было видѣть трудящимся то съ лопатой, то съ топоромъ въ разныхъ мѣстахъ, при чемъ—онъ повторялъ слова старца Серафима: «томлю томящаго меня». Любимымъ его дѣломъ была посадка деревьевъ и разведеніе фруктоваго сада. Это былъ одинъ изъ способовъ выраженія его склонности къ созиданію,—той самой прекрасной и благородной работы, какую онъ неусыпно велъ надъ душами человѣческими.

Въ пяти верстахъ отъ пустыни былъ хуторъ при деревнѣ Заруцкой—вкладъ въ Глинскую пустынь благодѣтеля обители и друга отца Филарета, помѣщика Димитрія Александровича Бровцына. Мѣсто это было болотистое, но отецъ Филаретъ окопалъ его канавой, просушилъ, насадилъ деревьевъ и сдѣлалъ изъ него прекрасный уголокъ. Тутъ былъ у него и лугъ, испещренный цвѣтами, и густая рощица, въ тѣни которой притаились ульи пчельника, и огородъ, и садъ, а вблизи протекала свѣтлая рѣчка Клевень.

Часто—весной или лѣтомъ—отецъ Филаретъ, забравъ съ собою въ повозку всѣ нужные инструменты, отправлялся на этотъ хуторъ и работалъ тамъ весь день, одинъ или съ братьями. Руки отца Филарета были всегда въ мозоляхъ, свидѣтельствовавшихъ о постоянныхъ тѣлесныхъ трудахъ. Иногда онъ зарабатывался до того, что весь обливался потомъ. Возвращаясь изъ своей хуторской кельи, онъ—бывало—не въ силахъ нести съ собою обратно свои инструменты и просилъ кого-нибудь «принести сюда его утѣшеніе, орудія труда его». Въ тѣлесномъ же трудѣ отецъ Филаретъ видѣлъ лучшее средство для борьбы со страстями.

Отецъ Филаретъ зналъ весь вредъ праздности для иноковъ, особенно — для новоначальныхъ. Въ нѣкоторыхъ обителяхъ пѣвцы, которыми монастырь, обыкновенно, очень дорожить, такъ какъ хорошее пѣніе привлекаетъ богомольцевъ, не несутъ, кромѣ клиросаго, никакого другого послушанія. Отецъ

же Филаретъ заставляяль ихъ въ свободное время переплетать книги, дѣлать ложки, плести корзины.

Ежедневно отецъ Филаретъ бывалъ на всѣхъ послушаніяхъ,—наблюдая, какъ они исполняются. При этомъ обходѣ иноковъ онъ любилъ подолгу съ ними бесѣдовать.

Было уже упомянуто, что отецъ Филаретъ былъ въ духовномъ общеніи съ великимъ подвижникомъ, архіепископомъ Воронежскимъ Антоніемъ Смирницкимъ, а также и съ великимъ Московскимъ митрополитомъ, извѣстнымъ Филаретомъ (Дроздовымъ).

Отецъ Филаретъ былъ также въ общеніи,—по духу, черезъ пространство,—и съ дивнымъ Саровскимъ подвижникомъ, отцомъ Серафимомъ. Иногда тѣхъ лицъ, которыя просили его благословенія на поступленіе въ обитель, отецъ Серафимъ посылалъ къ отцу Филарету. Одинъ послушникъ, Авксентій, жившій въ Глинской пустыни, сталъ унывать тамъ и, оставивъ монастырь, пошелъ въ Саровъ къ отцу Серафиму. Старецъ, никогда не выдавшій его, назвалъ его по имени и—прежде, чѣмъ онъ успѣлъ что-нибудь сказать, велѣлъ ему вернуться въ Глинскую пустынь. Тотъ подумалъ въ себѣ, что онъ пойдетъ въ какую угодно обитель, кромѣ Глинской. Тогда старецъ Серафимъ настоятельно сказалъ ему:

— Нѣтъ на землѣ мѣста, гдѣ бы тебя не посѣтилъ гнѣвъ Божій; иди, тебя примутъ!

Авксентій вернулся, былъ принятъ обратно, полгода пожилъ въ подвигѣ и послушаніи и затѣмъ отошелъ къ Богу, предузнавъ самъ свою кончину.

Другой послушникъ, Петръ Сипченко, проживъ въ Глинской пустыни два года, сталъ сомнѣваться: жить ему въ монастырѣ или принять монашество? Такъ какъ Петръ думалъ, что глинскіе старцы будутъ пристрастно къ своей пустыни разрѣшать его недоумѣніе, то онъ рѣшилъ идти за совѣтомъ къ отцу Серафиму. Онъ просилъ у преподобнаго совѣта, надо ли его брату поступить въ монастырь? Старецъ Серафимъ сказалъ ему:

— Самъ спасайся и брата своего спасай!

А потомъ напомнилъ ему событіе изъ жизни преподобнаго Іоанникія Великаго, который, странствуя по горамъ и стремнинамъ, нечаянно уронилъ жезлъ, упавшій въ пропасть. Жезлъ поднять было нельзя, а безъ него нельзя было продолжать путь, и Богъ тогда вручилъ ему, черезъ ангела, новый жезлъ. Разказавъ это древнее событіе, старецъ Серафимъ вложилъ въ руку послушнику свою собственную палку и произнесъ:

— Трудно управлять душами человѣческими, но среди всѣхъ твоихъ напастей въ управленіи душами, братъ, ангель Господень будетъ при тебѣ до конца жизни.

Петръ вернулся въ Глинскую пустынь и черезъ нѣсколько времени былъ постриженъ отцомъ Филаретомъ, а въ 1854 году былъ назначенъ настоятелемъ Чуркинской Николаевской пустыни, Астраханской епархіи. Братъ его былъ тоже іеромонахъ.

О томъ таинственномъ общеніи, которое связывало двухъ русскихъ подвижниковъ, Саровскаго старца Серафима съ отцомъ Филаретомъ, свидѣтельствуешь то таинственное видѣніе, которое было отцу Филарету въ ночь кончины, въ дальнемъ Саровѣ, старца Серафима.

Послѣ утрени, въ ночь на второе января 1833 года, отецъ Филаретъ, стоя на крыльцѣ своей кельи, увидаль сіяніе на небѣ, и въ этомъ сіяніи чья-то душа съ пѣніемъ была возносима на небо. Старецъ Филаретъ долго смотрѣлъ на чудное видѣніе. Потомъ онъ подозвалъ къ себѣ нѣкоторыхъ изъ братьевъ, бывшихъ неподалеку, и указалъ имъ на необыкновенный, сіявшій въ небѣ, свѣтъ.

— Вотъ, какъ возносятся души праведныхъ,—промолвилъ при этомъ онъ задумчиво:—нынче въ Саровѣ почилъ старецъ Серафимъ.

Величайшаго изъ видѣній сподобилась чистая и правая душа подвижника: ему было явленіе Богоматери. Однажды, передъ днемъ празднованія Иверской иконы Пресвятой Богородицы, отецъ Филаретъ читалъ акаѳистъ этой иконѣ. Когда онъ сталъ пѣть послѣдній кондакъ: «О, всепѣтая Мати, рождающая всѣхъ святыхъ святѣйшее Слово, нынѣшнее пріемши моленіе, отъ всякія избави напасти всѣхъ и будущія изми муки Тебѣ вопіющихъ: аллилуія,—онъ былъ сподобленъ видѣнія Пречистой Дѣвы.

IV. Кресты его жизни. Послѣдніе годы.

Какъ большинству истинныхъ подвижниковъ, отцу Филарету не суждено было избѣжать скорбей и гоненій. Особенно много потерпѣлъ онъ отъ клеветы людей, которые придавали его дѣйствіямъ дурныя намѣренія. Одинъ братъ, вбѣжавъ въ келью настоятеля, сталъ всячески поносить о. Филарета.

— Иди,—сказалъ тогда настоятель этому брату,—и поноси меня вслухъ всей братіи.

Этими словами дерзость его была совершенно сломлена. Въ другой разъ отцу Филарету было доставлено полиціей написанное о немъ однимъ изъ монаховъ письмо, полное брани. Старецъ ничѣмъ не выразилъ своего неудовольствія и сжегъ тутъ же письмо.

Одинъ молодой послушникъ былъ крайне недоволенъ тѣмъ, что отецъ Филаретъ дѣлалъ ряску другому достойному

послушнику, который был моложе его. Обладая хорошим голосомъ, первый думалъ, что имъ должны дорожить въ обители, и поэтому—сталъ требовать рясофоръ для себя. Старецъ зналъ, что такое поощреніе не послужитъ къ пользѣ этому юношѣ, и увѣщавалъ его смириться и обождать. Тогда тотъ заявилъ, что уходитъ изъ обители, и однажды нарочно наступилъ на мантию шедшаго передъ нимъ отца Филарета, которая и разорвалась. Старецъ кротко сказалъ ему, что онъ былъ въ Глинскую пустынь призванъ къ спасенію, а изъ нея стремится къ погибели, и пусть на немъ сбудется то, чего онъ заслуживаетъ. Юноша вышелъ изъ обители и потомъ, послѣ смерти отца Филарета, опять въ нее поступилъ, но вмѣстѣ монашескаго житія не могъ.

Нѣкоторыя клеветы, возводимыя на старца, были настолько несообразны со всѣми его понятіями, что онъ отвѣчалъ на эти клеветы только молчаніемъ. Такъ, однажды на него возвели клевету, будто онъ прекратилъ молебны предъ чудотворною иконою Рождества Богоматери. Отецъ же Филаретъ, въ дѣйствительности, былъ самымъ горячимъ чителемъ Пречистой Дѣвы и съ величайшимъ усердіемъ отправлялъ Ей акаѣстное пѣніе и въ соборѣ, и у себя въ кельѣ.

Многія лица, привыкшія къ прежней своенравной жизни въ обители, были недовольны новыми порядками, введенными отцомъ Филаретомъ, и это смущало старца. Одно время онъ подумалъ снять даже съ себя настоятельскую должность. Затѣмъ былъ на него сдѣланъ доносъ новому епископу Иліодору о томъ, что въ скиту Глинской пустыни свободно разгуливаютъ женщины, и что отецъ Филаретъ съ ними проводитъ время.

Епископъ пожелалъ лично провѣрить дѣло, и изъ курскаго собора неожиданно направился въ Глинскую пустынь. Не останавливаясь въ монастырѣ, онъ проѣхалъ въ скитъ. Въ то время тамъ былъ подвижникъ іеромонахъ Антоній и послушникъ Θεодосій. Епископъ прямо постучалъ въ келью іеромонаха, который въ то время совершалъ у себя правило. Антоній вышелъ къ епископу въ слезахъ, въ мантии и въ епитрахили, и епископъ былъ пораженъ убогимъ, тѣснымъ помѣщеніемъ, въ которомъ была только икона, простой столъ и скамейка. Онъ могъ на дѣлѣ убѣдиться, что здѣсь мѣсто не гуляній, а молитвы и плача. Тогда проѣхалъ онъ въ обитель, гдѣ шла вечерня. Въ ту минуту, когда онъ входилъ въ храмъ, отецъ Филаретъ съ братіей пѣлъ слова пѣсни Христу: «Достоинъ еси во вся времена пѣтъ быти гласы преподобными». Это совпаденіе поразило епископа. Когда кончилась служба, преосвященный посѣтилъ келью настоятеля, за ними хотѣли войти три барыни, но отецъ Фила-

реть запретилъ имъ входъ. Тогда епископъ открылъ настоятелю цѣль своего пріѣзда и кончилъ свое признаніе словами:
— Въ чемъ засталъ, въ томъ и сужду.

Находились люди, которые клеветали на поведеніе отца Филарета и тогда, когда онъ былъ уже шестидесятилѣтнимъ старикомъ. Особенно много клеветъ вынесъ онъ отъ тѣхъ лицъ, которыя были ссылаемы въ монастырь для несенія епитиміи. Въ настоятельство отца Филарета ихъ ссылалось въ пустынь особенно много. Нѣкоторые изъ нихъ подчинялись его власти, а другіе дѣлали ему однѣ непріятности. Старецъ старался воздѣйствовать на злобствующихъ на него своею великою кротостью. Одному брату отецъ Филаретъ нѣсколько разъ дѣлалъ замѣчаніе, что онъ не соблюдаетъ установленнаго порядка. Тотъ оправдывался, доходя до грубости. Наконецъ, отецъ Филаретъ, встрѣтившись съ нимъ, смиренно кланяясь ему, сказалъ:

— Прости меня, я оскорбилъ тебя, какъ человѣкъ.

Этимъ упорство брата было сломлено.

Когда одинъ братъ наотрѣзъ отказался положить, въ видъ наказанія, въ церкви нѣсколько поклоновъ,—отецъ Филаретъ тутъ же положилъ за него сто земныхъ поклоновъ и, обратясь къ братіи, просилъ прощенія за того монаха. Какъ то, трудясь съ послушниками при посадкѣ огурцовъ, отецъ Филаретъ замѣтилъ, что тѣ лѣниво помогаютъ ему. Онъ тогда сталъ разбрасывать по грядамъ навозъ, приговаривая слова псалмодиста: «виждь смиреніе мое и трудъ мой».

Такіе прямые люди независимаго характера, хотя и смиренныя, какъ отецъ Филаретъ,—встрѣчаютъ, обыкновенно, мало сочувствія въ своемъ начальствѣ. И мы видимъ, что отецъ Филаретъ, при всѣхъ своихъ громадныхъ заслугахъ для своей обители и для всего духовнаго дѣла всей Россіи, награждался чрезвычайно медленно, такъ что столь ничтожную награду, какъ посохъ, который, обыкновенно, присваивается строителямъ при возведеніи ихъ въ этотъ санъ, онъ получилъ лишь послѣ девятнадцати лѣтъ управленія обителью, а въ званіе игумена былъ возведенъ еще черезъ четыре года. Такъ трудился старецъ не въ сочувствіи и одобреніи людей, а въ сознаніи вѣрности своему призванію, безъ наградъ и поощреній.

За посохомъ въ Курскъ онъ не поѣхалъ, а самъ вырѣзалъ себѣ посохъ изъ клена.

Въ началѣ настоятельскаго труда своего терпѣлъ онъ великіе недостатки и убожество, а потомъ, при успѣхѣхъ дѣла—обвиненія, клеветы, недовольство и глубоко равнодушное отношеніе начальства.

Духовная извѣстность старца Филарета была настолько ве-

лика, что въ Глинскую пустынь съѣзжались со всей Россіи и простые, и знатные богомольцы.

Знаменитая своимъ благочестіемъ и расположеніемъ къ иночеству и крайнею щедростію, графиня Анна Алексѣевна Орлова-Чесменская, имѣвшая случай познакомиться съ отцомъ Филаретомъ въ столицѣ, сдѣлала нѣсколько пожертвованій въ Глинскую пустынь. Графиня и сама впоследствии посѣтила Глинскую пустынь.

Особенно почиталъ отца Филарета простой народъ, который толпился у его кельи съ ранняго утра. Всѣхъ старецъ принималъ радостно, и въ его бесѣдахъ сіяла его великая духовная опытность. Вотъ, какъ рассказываетъ одна старушка мірянка о томъ, какимъ запомнился ей старецъ Филаретъ. Она передавала свой рассказъ съ великою искренностью, съ голосомъ, прерывающимся отъ волненія; со слезами, сверкавшими въ ея старыхъ глазахъ:

— Отецъ Филаретъ, глинскій игумень, старецъ святой жизни, отецъ мой духовный. Я его еще уставщикомъ въ Софроніевой пустыни знала: старецъ былъ такой смиренный, молитвенникъ. Потомъ и въ Глинской я часто у него бывала, говѣла тамъ, и многое на пользу души моей онъ говорилъ. Все кротко да ласково, точно себя укоряя, а, между тѣмъ—такъ душу словами умилишь, что наплачешься, слушая его. «Пора намъ, Аринушка, домой, долго мы тутъ загостились,—говорить, бывало, старецъ.—Тамъ лучше. Тамъ вѣчная жизнь, вѣчная радость, тамъ Отецъ нашъ небесный насъ ждетъ. А мы, бѣдные грѣшники, все это забываемъ, міръ да мірское все любимъ, плоти своей угождаемъ. А умремъ, все оставимъ, ничего съ собою не возьмемъ, да и сами въ прахъ обратимся. Однѣ лишь дѣла съ нами пойдутъ—ими или осудимся, или прославимся, смотря по тому, какъ кто на семъ свѣтѣ жилъ».

Нѣкоторые случаи доказывали, что отецъ Филаретъ обладалъ силою дѣйственной молитвы. Онъ сумѣлъ вымолить исцѣленіе такимъ людямъ, которые щедро благотворили возстановливаемой имъ обители.

У себя въ имѣніи Ахтырскаго уѣзда, Харьковской губерніи, жилъ весьма богатый помѣщикъ Хрущовъ, къ которому въ болѣзни во снѣ былъ голосъ: «пріѣдетъ монахъ, и ты исцѣлишься». Надо думать, что и отцу Филарету было какое-нибудь указаніе свыше, и онъ утромъ неожиданно отправился съ келейникомъ въ имѣніе Хрущова.

Явившись къ нему, онъ сказалъ:

— Константинъ Димитріевичъ, позвольте отслужить у васъ молебенъ съ водоосвященіемъ и потомъ побесѣдовать!

Больной согласился. Отецъ Филаретъ установилъ на столѣ

привезенный съ собою снимокъ съ Глинской явленной иконы Рождества Богородицы и сталъ совершать молебень съ акаѣистомъ. Больной былъ окропленъ святой водой и—мгновенно выздоровѣлъ, присѣлъ къ столу и долго бесѣдовалъ со старцемъ. Послѣ того онъ часто посѣщаль Глинскую пустынь и до самой кончины своей, послѣдовавшей въ 1876 году, считался ея благодѣтелемъ. На его средства—на мѣстѣ явленія чудотворной иконы—возведена каменная церковь и перестроена соборная колокольня. Онъ отличался особымъ усердіемъ къ иконѣ Богоматери. А впослѣдствіи въ своемъ имѣніи онъ открылъ Рясненскій Димитріевскій монастырь, на который подписалъ четыре тысячи пятьсотъ десятинь земли и сто тысячъ рублей деньгами. Онъ при отцѣ Филаретѣ принесъ въ даръ Глинской пустыни напрестольное евангеліе въ цѣнныхъ сребропозлащенныхъ доскахъ, украшенное камнями, и воздвигъ каменный трапезный корпусъ.

Одинъ крестьянинъ, сильно страдавшій головными болями, пріѣхалъ на монастырскую мельницу, гдѣ въ то время находился отецъ Филаретъ. Онъ взялъ больного за голову двумя пальцами и болѣзнь прошла.

У одного села находилась монастырская мельница, укрѣпленная за обителью въ концѣ восемнадцатаго вѣка. Крестьяне этого села раскопали плотину и выпустили изъ озера всю воду. Узнавъ объ этомъ, отецъ Филаретъ сказалъ:

— Пусть поправятъ плотину, а мы помолимся Господу Богу о дождѣ.

Пошелъ сильный дождь, который наполнилъ озеро водой въ изобиліи, такъ что мельница имѣла двойной помолъ.

Въ 1833 г. была эпидемія въ городѣ Уфѣ. Очевидно, отецъ Филаретъ въ эти дни духомъ былъ въ хорошо извѣстной ему Уфимской женской обители. Этого монастыря монахиня Евгенія видѣла во снѣ старца Филарета, который кропилъ стѣны обители святой водой и говорилъ: «не бойтесь, Господь сохранилъ вашу обитель отъ губительной язвы». Всѣ тогда больные выздоровѣли и вновь никто не заболѣлъ.

Несомнѣнно также, что отецъ Филаретъ имѣлъ и даръ прозорливости.

Одинъ инокъ глинскій часто отлучался изъ монастыря по своимъ дѣламъ. Зайдя, какъ-то, къ старцу взять благословіе на отъѣздъ, онъ услышалъ предостереженіе объ опасности для инока отлучаться отъ обители, при чемъ—отецъ Филаретъ сказалъ о нѣкоторыхъ случаяхъ, которые могли быть извѣстны только тому монаху. Тутъ же онъ сказалъ, что дѣло, ради котораго онъ отлучается, не будетъ имѣть успѣха. Все это, дѣйствительно, и сбылось.

Однажды отецъ Филаретъ бесѣдовалъ съ многочисленными посѣтителами. Находящаяся тутъ монахиня Борисовскаго монастыря подумала: «можетъ ли онъ угадать, кто и каковъ?» Вдругъ, отецъ Филаретъ—на эту тайную мысль ея—отвѣчаетъ:

— Какъ въ стаканѣ видна чистая вода и мутная, такъ виденъ и человѣкъ!

Вотъ, свидѣтельство глуховскаго дворянина Нарбута: «Когда отецъ игумень Филаретъ, послѣ многихъ трудовъ своихъ для Глинской обители, пришелъ уже въ слабость, братія обратилась къ нему, желая знать, кого онъ послѣ себя оставляетъ настоятелемъ. Онъ молчалъ. Братія просили узнать объ этомъ глуховскаго купца Веринскаго, въ домѣ котораго прежде, по неимѣнію въ Глуховѣ подворья, останавливались глинскіе иноки. Тотъ пріѣхалъ, и на его вопросъ старецъ отвѣтилъ: «Въ монастырѣ нѣтъ, а пришлютъ изъ другого. Впрочемъ, хотя и есть, но не сюда готовится. Ты по выходѣ отъ меня встрѣтишь его, онъ тебя будетъ просить къ себѣ, зайди и увидишь обстановку, подобную моей кельѣ, а на столѣ деревянный крестъ». Дѣйствительно, игуменомъ въ Глинскую пустынь былъ присланъ глинскій же монахъ Евстратій. А іеродіаконъ Арсеній, котораго Веринскій встрѣтилъ съ десятью братьями, былъ переведенъ въ Святогорскій монастырь и тамъ сдѣлался архимандритомъ.

Для поминовенія тѣхъ лицъ, за которыхъ богомольцы Глинской пустыни вносили пожертвованія, у отца Филарета былъ заведенъ строгій порядокъ. Кромѣ обычныхъ заказанныхъ церковныхъ поминовеній на проскомидіи, ектеніи, литіи, молебнахъ и панихидахъ,—отецъ Филаретъ установилъ чтеніе во время литургіи въ алтарѣ «Большаго Синодика». Чреда старцевъ день и ночь творила неустанное бдѣніе за живыхъ и умершихъ, читала псалтирь, поминая монастырскую братію, благодѣтелей обители и родственниковъ ихъ, ежедневно поминая о здравіи и за упокой, на проскомидіи. Такъ же поминаютъ о здравіи на ежедневныхъ акаѳистахъ, а въ будніе дни поминаютъ умершихъ на литіяхъ послѣ утрени и вечерни. Такой тщательный обрядъ поминовенія еще болѣе привлекъ жертвователей въ Глинскую пустынь.

На эти жертвы отецъ Филаретъ, между прочимъ, обновилъ и замѣнилъ новыми пріобрѣтеніями всю скудную ризницу. Много вещей, утварь и ризы отецъ Филаретъ получилъ отъ богатыхъ и знатныхъ столичныхъ жителей.

Съ 1826 года была утверждена въ обители прежде не существовавшая въ ней должность ризничаго.

Радѣя о благоустроеніи и украшеніи пустыни, могъ ли

отець Филареть, ревностно чтившій Пресвятую Дѣву, оставить не украшеннымъ Ея чудотворный образъ?

До отца Филарета чтимая Глинская святыня помѣщалась въ нижнемъ ярусѣ иконостаса, противъ праваго клироса. Отець Филареть поставилъ ее надъ царскими вратами въ серебряномъ, позлащенномъ кругу, откуда она была доступна взорамъ всѣхъ молящихся въ храмѣ.

Отець Филареть любилъ пѣть предъ этою иконою акаѣисты, представляя себѣ, что онъ стоитъ воочию предъ Пречистою Дѣвою. Эти акаѣисты, совершаемые по субботамъ и въ дни особыхъ милостей, явленныхъ обители черезъ Пречистую Дѣву, онъ совершалъ соборнѣ, посреди храма, прекраснымъ болгарскимъ напѣвомъ. Въ эти минуты лицо старца озарялось какимъ-то особеннымъ, неземнымъ, сіяніемъ.

До сихъ поръ многіе богомольцы не могутъ удержать своихъ слезъ, когда, при совершеніи соборнаго акаѣиста Богоматери, икона опускается внизъ съ горящей предъ нею лампадой и свѣчей, и сонмъ священноиноковъ и монашескій клиръ воспѣваетъ Пренепорочную Дѣву Марію, особенно въ ту минуту, когда оба клироса, соединяясь вмѣстѣ посрединѣ храма, поютъ послѣдній кондакъ, многократно повторяя слова его: «О, Всепѣтая Мати...»

Отець Филареть, видя на себѣ и на обители многократные опыты заступленія Богоматери, училъ братію всегда прибѣгать къ всемогущему заступничеству Пресвятой Дѣвы. Онъ такъ говорилъ:

— Могутъ ли пѣстуны такъ пещись о дѣтяхъ, какъ печется о нихъ мать? Могутъ ли понимать болѣзненные вопли младенцевъ, когда и младенцы сами не знаютъ, чего хотятъ? Только сердце матери разумѣетъ вопли своего дѣтища. Услышавъ плачь, она успокаиваетъ его млекою своимъ. Такъ поступаетъ и Матерь Божія. Чада Ея, младенцы о Христѣ Иисусѣ, скорбятъ, страдаютъ, вопіуютъ и плачутъ. Пѣстуны или не внимаютъ имъ, или не могутъ попещись о каждомъ, не могутъ помочь имъ, или не могутъ познать нужды ихъ. Что же дѣлаетъ благая Матерь благого Бога? То въ томъ, то въ иномъ мѣстѣ и времени, то черезъ сію (Глинскую), то черезъ иную Свою икону, даруетъ чадамъ млеко благодати на все полезной, и какъ бы такъ говоритъ имъ: «дѣти, сюда идите». Дѣти текутъ на сей гласъ, привлекаемая къ чудотворной иконѣ Божіей Матери, а икона возводитъ умы и сердца ихъ на небо, къ Самой Матери Божіей, на небесахъ торжествующей; Царица Небесная приводитъ сихъ дѣтей царствія Божія къ Царю и Богу ихъ, Иисусу Христу, и глаголетъ: «еже аще глаголетъ вамъ—сотворите» (Іоан., 2, 5); и, наконецъ, Сынъ Божій приводитъ дѣтей Сво-

ихъ, уже достигшихъ мѣры совершеннаго мужа, ко Отцу Своему и Отцу нашему, да будетъ всяческая во всѣхъ!

Въ 1838 году съ отцомъ Филаретомъ, за два дня до праздника Рождества Христова, случился припадокъ, оставившій его въ безчувственномъ состояніи. Тогда кто-то изъ братіи, послѣ причастія старца, сказалъ ему, что послѣ него обитель Глинская разорится. Онъ съ увѣренностью отвѣтилъ:

— Не разорится, а созиждется, увеличится и процвѣтетъ!

И тутъ же добавилъ:

— Я проживу два года, да и нынѣ пропою трипѣснецъ, а послѣ завтра—слава въ вышнихъ Богу...

Хотя старецъ продолжалъ служить, но онъ чувствовалъ сильную боль въ груди, которая перешла въ жестокую чахотку. Медицинской помощи онъ, никогда къ ней не прибѣгавшій, и теперь не желалъ. Несмотря на крайнюю потерю силъ, онъ не измѣнялъ своему обычному образу жизни. И за шесть недѣль до кончины—на первой недѣлѣ великаго поста 1841 года—бывалъ въ церкви, гдѣ становился противъ клироса и пѣлъ. Въ послѣдній разъ онъ служилъ литургію въ недѣлю православія. Въ крестопоклонную недѣлю онъ былъ въ послѣдній разъ въ церкви и подпѣвалъ пѣвчимъ. Дѣлъ обители онъ не оставлялъ. И, по прежнему, къ нему приходили должностныя монастырскія лица за распоряженіями, и міряне—за совѣтами.

Въ страстной великій четвергъ, въ Глинской пустыни, по кievскому обычаю, передъ братіей и богомольцами совершается таинство елеосвященія. Оно было предложено отцу Филарету, но онъ отложилъ его до субботы. Тутъ духовникъ, іеромонахъ Порфирій Мамчичъ, спросилъ у него, кого онъ назначить по себѣ преемникомъ? Онъ отвѣтилъ:

— Тебя бы, но ризы мои для тебя длинны, а Евстратію онъ годятся.

Старецъ тутъ испросилъ прощеніе у братіи, всѣхъ благословилъ и просилъ больше себя не беспокоить. У него спросили, не чувствуетъ ли онъ наступленіе немедленной смерти? Но онъ отвѣтилъ, что онъ отпразднуетъ праздникъ Пасху съ братіей, а тамъ—видно будетъ. Въ ночь Пасхи подвижникъ какъ будто почувствовалъ приливъ силъ, казался бодрѣе, самъ далъ благословеніе ударить къ пасхальной утрени, распорядился относительно ризъ и состава служащихъ. Когда была отслужена литургія, онъ съѣлъ два яйца и немного сметаны, и весь этотъ день провелъ въ великой радости.

Въ часъ по полуночи, подъ понедѣльникъ, онъ потребовалъ къ себѣ духовника, причастился Святыхъ Тайнъ и выслушалъ молитву на исходъ души. Тутъ онъ могъ еще имѣть достаточно силъ, чтобы благословить всякаго подходившаго.

Къ разсвѣту замѣтили, что смерть надвигается, но старецъ сохранилъ память и бесѣдовалъ до послѣдней минуты. Онъ распорядился, что если тѣло его не будетъ разлагаться, ожидать для погребенія его брата—офицера. Когда стали звонить къ ранней обѣднѣ, отецъ Филаретъ, окруженный братіей, сидя на своемъ ложѣ, преклонилъ свою голову на сложенные крестообразно на письменномъ столѣ руки, и нѣсколько минутъ молился. Потомъ онъ — безъ поддержки кого-нибудь — сѣлъ прямо, склонилъ голову на грудь и скончался, какъ будто уснулъ. Это было тридцать перваго марта 1841 года, въ половинѣ седьмого часа утра. Въ храмѣ совершалась проскомидія, и немедленно на ней помянули новопреставленнаго игумена отца Филарета.

Нельзя не замѣтить, что день кончины отца Филарета весьма знаменателенъ. Тридцать перваго марта — испустилъ духъ на крестѣ Господь нашъ Иисусъ Христосъ, носителемъ креста Котораго былъ отецъ Филаретъ. Въ этотъ день совершается празднованіе Иверской иконѣ Богоматери, которою отецъ Филаретъ былъ благословленъ въ Софроніевой пустыни и которую особенно почиталъ. Памятникомъ его благоговѣнія къ этой иконѣ осталась переписанная имъ «уставомъ» церковная служба и сказаніе объ иконѣ. Во имя Иверской иконы имъ былъ устроенъ храмъ надъ вратами обители и можно думать, что Богоматерь умолила Сына Своего принять въ этотъ день въ небесныя обители душу Своего искренняго читателя. Вѣрующіе люди знаютъ также, что смерть на пасхальной недѣлѣ является знакомъ милости Божіей душѣ, такъ же, какъ пріобщеніе не задолго до исхода души изъ тѣла.

Отецъ Филаретъ съ тѣломъ, истощеннымъ великимъ, постояннымъ постомъ, живой походилъ на мертвеца и поэтому — теперь мертвый походилъ на спящаго.

Велико было горе обители, которую онъ возвелъ въ славу изъ ничтожества. Но горе обители смягчалось тѣмъ, что великій старецъ лежалъ, какъ праведникъ, въ гробу, и отъ его утружденнаго подвигами тѣла источалось благоуханіе. Одинъ послушникъ былъ такъ пораженъ этимъ благоуханіемъ, что спрашивалъ, не было ли положено въ гробъ какихъ-нибудь благовоній? Этотъ послушникъ впоследствии былъ архимандритъ Германъ, извѣстный настоятель знаменитой пустыни на Святыхъ горахъ, въ Харьковской епархіи.

Такъ какъ тѣло сохранялось въ нетлѣннѣ, то съ похоронами не спѣшили и, по завѣщанію старца, братъ его успѣлъ пріѣхать на погребеніе, которое было совершено на свѣтлой недѣлѣ, въ четвергъ.

Всѣ служащіе были въ свѣтлыхъ ризахъ, раздавалось пѣ-

ніе пасхальныхъ побѣдныхъ пѣсенъ и все это являло видъ не похоронъ, а духовнаго торжества. Плакали міряне, плакали монахи, и первенствующій іеродіаконъ, захлебываясь слезами, долго не могъ возгласить «вѣчную память». Тѣло отца Филарета было опущено въ заранѣе приготовленный склепъ, у южнаго входа въ соборную церковь, которую съ такимъ усердіемъ, не жалѣя на нее жертвъ, воздвигалъ онъ самъ. Мѣсто это выбрано имъ съ той мыслью, чтобы поминали его всѣ, входящіе въ храмъ Господень. Теперь оно вошло подъ внутреннюю церковь и находится у сѣверныхъ вратъ, у соли праваго соборнаго придѣла.

Сбылось предсказаніе старца, который умеръ черезъ два года и три мѣсяца послѣ перваго припадка. Послѣдними словами его завѣщанія обители были слова:

— Имѣйте, братіе, миръ и любовь между собою,—говорилъ онъ,—а я, если обрѣту у Господа дерзновение, то—вѣрую—обитель наша не оскудѣетъ. Вы же сотворите любовь, поминайте меня отцомъ своимъ, аще азъ и недостойный, и обрящете благодать отъ Бога.

Нѣкоторыя явленія подтвердили упованіе, что старецъ стяжалъ у Бога благодать.

Одинъ кіево-печерскій монахъ, который полагалъ начало монашескаго житія въ Глинской пустыни при старцѣ Филаретѣ, долго болѣлъ и какъ-то горячо молился чудотворцамъ печерскимъ о своемъ исцѣленіи. И однажды, ночью, онъ видитъ сонмъ святыхъ и среди нихъ—старца Филарета и слышитъ голосъ: «ты, глинскій—молись Филарету, яко да исцѣлиши!» Тутъ же, во снѣ, онъ началъ молиться и, проснувшись, выздоровѣлъ совершенно.

Монахиня Бѣлгородскаго монастыря, бывшая духовною дочерью старца, вскорѣ послѣ его смерти написала брату своему, глинскому монаху:

«Батюшка недавно во снѣ такъ утѣшилъ меня,—радость влилъ въ сердце мое, что цѣлый день, какъ на Свѣтлое Христово Воскресеніе, торжествовала душа моя, особенное какое-то утѣшеніе чувствовала. Если бы хотя и такая, грѣшной мнѣ, радость была въ будущемъ вѣкѣ, то я не желала бы и минуты жить на землѣ. Я батюшку поминаю и вѣрую, что его святія молитвы защитятъ насъ во всѣхъ случаяхъ».

Когда, по мысли Татьяны Борисовны Потемкиной, была возобновлена древняя пустынь въ имѣніи Потемкиныхъ «Святая горы»,—туда настоятелемъ былъ назначенъ глинскій казначей іеромонахъ Арсеній. Взявъ съ собою нѣсколькихъ монаховъ, онъ отправился. По пути въ Святая горы, на первомъ же ночлегѣ, двое изъ братіи утѣшены были одинаковымъ

сномъ. Они видѣли блаженнаго старца, игумена Филарета, который сказалъ имъ: «И я, дѣти, ѣду съ вами въ Святѣя горы, чтобы тамъ помогать въ трудахъ».

Знаменитый затворникъ святогорскій, Іоаннъ, въ день своей кончины, видѣлъ своего старца Филарета съ его святогорскими, прежде его отошедшими, учениками, соборно совершавшихъ молебень святителю Николаю и призывавшихъ Іоанна къ себѣ.

Отецъ Филаретъ являлся въ разныя времена разнымъ людямъ, исполняя ихъ просьбы, предостерегая отъ ожидающихъ искушеній и преподавая имъ наставленія. Доселѣ старецъ Филаретъ, живя духомъ въ своей обители, является многимъ изъ ея братіи.

Вотъ участіе отца Филарета въ судьбѣ одной монахолюбивой души, которой обстоятельства ея жизни не позволили принять монашества. Одна дворянская дѣвица Марія должна была жить у сестры, чтобы нянчить ея дѣтей. Эти обязанности не позволили ей исполнить ея завѣтное желаніе—принять постригъ. Но Господу было угодно переселить ее въ вѣчность изъ обители. Она умерла, пріѣхавъ въ Глинскую пустынь на богомолье. Въ ночь кончины ея отецъ Филаретъ явился во снѣ настоятелю Иннокентію и сказалъ ему: «похорони Марію». Марія была съ торжествомъ погребена въ самой оградѣ Глинскаго скита.

Одинъ іеромонахъ Глинской пустыни помышлялъ уйти изъ монастыря. Ему явился отецъ Филаретъ со словами: «Уйдешь, сгоритъ душа твоя, не оставляй моего жилища и благо тебѣ будетъ».

Часто подвижники изъ братіи видали отца Филарета поющимъ на клиросѣ съ братіей. Схимонахъ Иліодоръ, думая объ участи душъ глинской братіи, видѣлъ храмъ и алтарь, установленный большими и малыми свѣтильниками. А въ другой разъ видѣлъ во снѣ каменный монастырскій храмъ, полный крылатыми монахами, блиставшими небеснымъ свѣтомъ, и среди нихъ, какъ солнце среди звѣздъ, стоялъ великій игумень Филаретъ съ лицомъ столь свѣтлымъ, что на него нельзя было даже смотрѣть.

Простъ надгробный памятникъ старца Филарета. Съ лѣвой стороны отъ мѣста его погребенія на колоннѣ помѣщено изображеніе святого Филарета Милостиваго, имя котораго онъ носилъ, и подъ нимъ небольшая мѣдная доска, гласящая о главныхъ событіяхъ жизни старца. Но главнымъ памятникомъ по немъ является сама возстановленная имъ Глинская пустынь, надъ которой сбылось слово старца: «не разрушится и рас-

пространится». Въ ней теперь много церквей, со многими алтарями, при ней два скита: Ближній и Спасо-Иліодоровскій.

По-прежнему, славится Глинская пустынь строгостью жизни иноковъ, благолѣпнымъ богослуженіемъ и трогающимъ сердце пѣніемъ. И всюду почіеть духъ смиреннаго старца Филарета. Братія живутъ въ мирѣ и согласіи, съ любовью блюдя завѣщанный ей отцомъ Филаретомъ уставъ, и все въ обители гласить о немъ.

Послушанія несутся по уставу и преданіямъ отца Филарета. Пѣвчіе поютъ по «Ирмологію» отца Филарета. Зданія соборной площади воздвигнуты Филаретомъ. Планъ расположенія обители начертанъ Филаретомъ. Ризница богата священными сосудами, крестами и евангеліями временъ Филарета. Настоятельскій домъ воздвигнутъ Филаретомъ. Здѣсь онъ видѣлъ дивное знаменіе, душу великаго, едионравнаго ему Серафима Саровскаго чудотворца, во славу возносимую ангелами на небо, къ Богу.

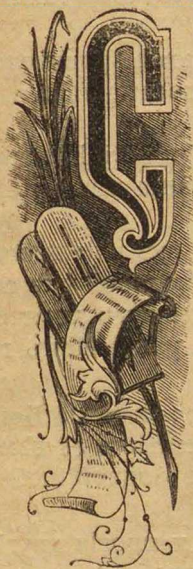
Хранится келья отца Филарета на мѣстѣ его ночныхъ молитвъ и трудовъ, гдѣ онъ сподобился видѣть Пресвятую Богородицу. Въ ней стоитъ большая икона Спасителя, взятая изъ церковнаго иконостаса его времени, отъ которой были благодатныя знаменія.

Въ обители Глинской вы постоянно услышите слова: «старецъ Филаретъ говорилъ», «батюшка Филаретъ установилъ!» И жива память его не только въ обители Глинской, но и среди тѣхъ людей, которымъ дороги подвиги исконнаго русскаго благочестія.

ПОДВИЖНИЦА ЕЛИЗАВЕТА

(монахиня Кашинскаго Срѣтенскаго женскаго монастыря).

СРѢТЕНСКІЙ женскій монастырь въ Кашинѣ принадлежитъ къ числу тѣхъ тихихъ и уединенныхъ обителей, которыя способствуютъ духовной жизни, самоуглубленію, подвигу.

Кромѣ незабвенной подвижницы, монахини Дорофеи Лодыгиной, одной изъ жертвъ великихъ несчастій Россіи въ смутное время, на высотахъ духа и въ строгомъ самоотреченіи нашедшей себѣ утѣшеніе и окруженной нынѣ все болѣе и болѣе возрастающимъ почитаніемъ,—Кашинскій Срѣтенскій монастырь славенъ памятью еще нѣсколькихъ подвижницъ. Къ числу ихъ принадлежитъ и монахиня Елизавета.

Монахиня Елизавета, въ міру Екатерина Алексѣевна Головачева, происходила изъ стараго дворянскаго рода, родилась въ 1764 году и была дочерью помѣщика Ржевскаго уѣзда, Тверской губерніи, отставнаго бригадира Алексѣя Ивановича Головачева и жены его, Прасковьи Васильевны.

Для того, чтобы представить себѣ ту обстановку, въ которой проходило дѣтство барышни Головачевой, надо возстановить передъ собою бытъ того времени.

Обезпеченные трудами и потомъ крѣпостныхъ крестьянъ, пользуясь довольствомъ, обиліемъ, которое доставалось имъ безъ всякаго труда и усилій, помѣщики жили тогда широкой и праздною жизнью. И эта жизнь была самымъ вѣрнымъ путемъ къ отдаленію ихъ отъ духовныхъ запросовъ. Мужчины цеголяли распущенностью нравовъ, считали хорошимъ то-

номъ придерживаться различныхъ вольнодумствъ. Зачастую раздавались насмѣшки надъ всѣмъ священнымъ.

Недалеко отъ мужчинъ ушли тогда и женщины. Легкомысленно относясь къ обязанностямъ супруговъ, матерей, онѣ проводили жизнь свою въ лѣни, легкомысліи, легко отдавались чувственности, были безпечны, если не жестоки относительно крѣпостныхъ своихъ крестьянъ. И лишь въ видѣ исключенія, въ нѣкоторыхъ лучшихъ мужчинахъ и женщинахъ, переданныя по наслѣдству отъ отцовъ и дѣдовъ, таились робкія религиозныя чувства, сохранялись отъ старины благочестивые, православныя обычаи и преданія.

Встрѣчались такія семьи средняго дворянства, въ которыхъ духъ моднаго воспитанія и современнаго легкомыслія не могъ вытравить крѣпкихъ родныхъ устоевъ. Къ такимъ семьямъ принадлежали и Головачевы.

Поэтому, Екатерина Алексѣевна еще въ домѣ родителей получила задатки того благочестія, которое впоследствии расцвѣло въ ней такимъ пышнымъ цвѣтомъ.

Въ молодыхъ лѣтахъ она была выдана замужъ въ Курской губерніи, за поручика Голооѣва и была привезена имъ на его родину.

Въ бракѣ она не была счастлива, но жила въ немъ не долго: умеръ мужъ ея, умерла и любимая ея дочь, на которой она сосредоточила всю нѣжность своего сердца, искавшаго горячей привязанности, и которая была единственнымъ утѣшеніемъ въ ея несчастной жизни.

Впоследствии монахиня Елизавета часто прославляла Бога за то, что Онъ, рано взявъ къ Себѣ ея дочь, поставилъ ее тѣмъ на путь духовный и научилъ ее искать счастья въ одной любви Божественной.

Въ монастырь Екатерина Алексѣевна, какъ и многія другія подвижницы высшаго круга, была приведена особеннымъ путемъ Промысла Божія. Разъ, какъ-то, будучи вдовой, Екатерина Алексѣевна поѣхала въ Москву, чтобы тамъ немного разсѣяться. По дорогѣ ее застигла страшная выюга и отъ этой выюги она рѣшилась искать пріюта въ усадьбѣ своихъ родныхъ, Чудиновыхъ, куда раньше не располагала заѣхать. Родственники ея были люди благочестивые; они ласково приняли у себя Екатерину Алексѣевну. Имѣя обыкновеніе передъ сномъ что-нибудь читать, она попросила у родныхъ книжки. Такъ какъ ихъ бібліотека состояла почти исключительно изъ книгъ духовнаго содержанія, то они и принесли одну изъ такихъ книгъ, подъ заглавіемъ: «Путь къ Царствію Небесному». Книга эта такъ увлекла Екатерину Алексѣевну, что она провела надъ чтеніемъ ея почти всю ночь.

И въ эту ночь съ ней произошелъ переломъ: то, что было съ ней раньше въ жизни, показалось ей страшной вьюгой, и духовная жизнь представлялась ея измученному сердцу, какъ тихое и вѣрное пристанище.

Въ эту ночь обильно излилась надъ нею та благодать Божія, которая ставитъ людей, избранныхъ Богомъ, на новые пути жизни, образуетъ въ нихъ, такъ сказать, новый порядокъ чувствъ и мыслей.

Екатерина Алексѣевна въ слезахъ долго молилась передъ иконами, и происшедшій въ ней переломъ былъ настолько безповоротенъ, что по утру она объявила своимъ родственникамъ, что въ Москву веселиться больше не ѣдетъ, а вернется домой, такъ какъ ей надо молиться и молиться.

Пробывъ нѣкоторое время дома, она поѣхала въ Кашинскій Срѣтенскій монастырь, куда и вступила въ 1788 году—двадцати трехъ лѣтъ отъ роду.

Многострадальной Кашинской обители, пережившей не мало тяжкихъ годовъ, Господь послалъ усердныхъ жертвователей. Такъ, вскорѣ послѣ вступленія въ обитель Екатерины Алексѣевны, помѣщикъ Опочининъ поставилъ на собственныя средства каменную колокольню и, близъ лѣтняго храма и въ связи съ нимъ, воздвигнулъ холодную двухпрестольную церковь. Это было въ 1790 году.

Примѣръ такой щедрости и усердія подѣйствовалъ и на Екатерину Алексѣевну Головачеву. Она пожертвовала все свое имущество на построеніе въ обители храма во имя Пресвятой Троицы надъ святыми вратами, пригласивъ для участія въ этомъ дѣлѣ нѣкоторыхъ своихъ родственниковъ.

Замышляя это дѣло, Екатерина Алексѣевна произнесла обѣтъ, что, если Господь поможетъ ей довершить этотъ храмъ,—она посвятитъ жизнь свою Богу и немедленно, по освященіи храма, приметъ постригъ.

Троицкій храмъ освященъ былъ въ 1794 году, и тутъ Екатерина Алексѣевна приняла постригъ съ именемъ Елизаветы. По преданію, хранящемуся въ обители, кромѣ этого храма, Екатерина Алексѣевна пожертвовала въ обитель серебряныя ризы на мѣстныя иконы Спасителя и Божіей Матери въ главномъ иконостасѣ Срѣтенскаго храма, на Смоленскую икону Богоматери и на находящіяся въ придѣлахъ храмовыя иконы Рождества Предтечи и преп. мученицы Анастасіи Римляныни.

Строгость тѣхъ подвиговъ, которымъ Екатерина Алексѣевна, нынѣ монахиня Елизавета, предалась съ первыхъ дней вступленія своего въ обитель, снискала ей уваженіе монастыря, и вскорѣ по постриженіи она стала считаться намѣченной для

избранія въ игуменіи. Но отъ этого званія, по смиренію своему, она уклонилась.

Предвидя избраніе въ игуменіи, монахиня Елизавета отпросилась на богомолье въ Кіевъ, дорогой заболѣла и была переводима въ монастыри Орловскій и Курскій. Только, когда она узнала, что въ Кашинѣ избрана новая игуменія, она отпросилась опять въ Кашинѣ. Вернулась она сюда двадцать второго мая 1798 года и стала проводить жизнь въ строгихъ подвигахъ. Древняя монастырская старица Александра передавала свои воспоминанія о монахинѣ Елизаветѣ.

Келья ея была на юго-западной сторонѣ монастыря, и старица Александра была въ то время при матушкѣ Елизаветѣ келейницей. Часто она водила ее изъ церкви, и старушка за эту услугу—жалко ей бывало дѣвочку,—пожалуетъ ей денежку и бывало—скажетъ: «помолишься ли ты за меня?» Дѣвочка была такъ мала, что едва доставала до ея руки.

Монахиня Елизавета была средняго роста и, несмотря на свои старые годы, не очень согбенна. Лицо ея отъ постоянныхъ подвиговъ было, какъ восковое. Она, очевидно, имѣла высокій даръ слезъ и, стоя въ церкви на богослуженіи, около тогдашней игуменіи, она всегда плакала.

Матушка Елизавета любила читать во время «правиль» акаѳистъ Иисусу Сладчайшему, и читала она его съ такимъ чувствомъ, точно воочию стояла передъ лицомъ Спасителя. Это чтеніе производило на слушающихъ такое впечатлѣніе, что многія сестры плакали.

Дѣвочка— послушница, будущая старица Александра, должна была, стоя на клиросѣ, подпѣвать къ акаѳисту одна своимъ дѣтскимъ голосомъ. За это пѣніе матушка Елизавета часто жертвовала дѣвочкѣ серебряный пятакъ, заранѣе ею приготовленный для этого.

Видъ матушки Елизаветы, читающей акаѳистъ, былъ неземной, какой-то особенный.

Когда дѣвочкѣ пришлось въ первый разъ читать «правило» въ церкви, и она читала его очень скоро, торопясь, полагая, что такъ лучше, монахиня Елизавета послѣ чтенія позвала дѣвочку къ себѣ и сказала:

— Ты очень твердо читала, только слишкомъ ужъ скоро. Никогда такъ не торопись, а читай со страхомъ Божиимъ и помни, что всѣ молятся!

Впослѣдствіи, когда дѣвочка стала подрастать, матушка Елизавета присылала за нею и приказывала пѣть вмѣстѣ съ ея келейницей, которая была клиросной пѣвчею, и другою еще старицею пѣснь: «Иисусе мой прелюбезный сердцу сладосте», «О, горе мнѣ грѣшному существу».

Монахиня Елизавета глубоко вѣрила въ силу крестнаго знаменія и постоянно имъ пользовалась. Многія, видя передъ собою ея примѣръ, старались подражать ей въ частомъ осѣненіи себя крестнымъ знаменіемъ.

Ея благоговѣйное стояніе въ храмѣ, частое крестное знаменіе, совершаемые ею поклоны и истекавшій изъ нея потокъ слезъ—всѣмъ этимъ невольно она стяжала себѣ этотъ страхъ Божій, который отъ нея никогда не отступалъ.

Какъ-то пришлось ея келейной громко смѣяться. Она пошла къ ней и, крестя ее, сказала:

— Христось съ тобою, Аннушка; не хорошо, другъ мой, такъ смѣяться, да и нездорово.

Матушка Елизавета не могла слышать чьей-нибудь просьбы безъ того, чтобы не помочь человѣку. Никого не отталкивала отъ себя безъ утѣшенія и милости, и когда келейная дѣвочка, бывало, ведетъ ее, она наставляетъ ее:

— Саша, любишь ли ты Господа Иисуса Христа?

— Люблю, матушка.

— Какъ же ты молишься Ему?

— Иисусе Сладчайшій, спаси мя!

— А, вотъ, какъ молишь,—скажетъ матушка Елизавета:— Иисусе Сладчайшій, помилуй мя!

Такъ наставляла она дѣвочку въ томъ, чтобы пріучить ее къ молитвѣ о помилованіи.

Не отказываясь отъ трапезы, монахиня Елизавета принимала все то, что полагается въ трапезѣ, но всегда съ воздержаніемъ и съ самоукореніемъ.

Одна изъ духовныхъ дочерей матушки Елизаветы часто страдала тоской. Утѣшая ее, монахиня Елизавета говаривала:

— Тоска означаетъ то, что душа желаетъ бесѣдовать съ Богомъ.

Тогда онѣ обѣ запирались у себя въ кельѣ и очень долго молились Богу.

Жизнь монахини Елизаветы проходила въ постоянномъ, совершенномъ нестяжаніи. Она рѣшительно ничего для себя не прикапывала и не сберегала. Родственники ея, жившіе въ Москвѣ, присылали ей подаванія, но она и это присланное, большею частью, раздавала, оставаясь не при чемъ.

Вѣра въ Бога укрѣпляла ее въ презрѣніи къ земнымъ вещамъ и къ деньгамъ. Какъ-то не случилось у нея больше провизіи, денегъ въ запасъ не было, и не изъ чего было приготовить пищу. Келейница матушки была сильно обезпокоена. Она же сохраняла мирный духъ и говорила, что Господь пошлетъ, чѣмъ имъ пропитаться. Мирно пошла она въ церковь, къ обѣднѣ, и въ отсутствіе ея принесли ей пакетъ съ деньгами.

Было не мало поразительныхъ случаевъ въ послѣднее время жизни монахини Елизаветы, которые показывали, насколько ей было открыто будущее и какъ дѣйственны были ея молитвы.

Какъ-то пріѣхала монахиня Елизавета въ Петроградъ и посѣтила своихъ родственниковъ въ ихъ отсутствіе. Дѣти въ это время рѣзвились, играя въ залѣ. Когда же она вошла въ залу, и они увидѣли незнакомое имъ лицо, одѣтое по монашески, то всѣ они разбѣжались. Только одинъ больной ребенокъ лежалъ въ креслицѣ, издавая жалобные стоны.

Матушка Елизавета подошла къ нему, утѣшила его, утерла его слезы своимъ платкомъ, осѣнила его со всѣхъ сторонъ крестнымъ знаменіемъ и ребенокъ совершенно успокоился. Она отошла отъ него, и вскорѣ пріѣхали хозяева дома. Обыкновенно, она оставалась у нихъ долго, а тутъ—вдругъ—заторопилась и уѣхала.

Между тѣмъ—больной ребенокъ, перенесенный няней на кровать, крѣпко заснулъ и проснулся только утромъ и—совершенно здоровымъ.

Такимъ незамѣтнымъ ни для кого образомъ исцѣлила его смиренная подвижница.

Какъ-то, бывши въ Ильинѣ, у своихъ родственниковъ, она вмѣстѣ съ ними посѣтила ильинскаго священника Іоанна Степанова и предсказала ему близкую кончину.

Другой разъ она спросила себѣ воды и, открывъ окно, стала плескать изъ него воду.

— Что дѣлаете вы, матушка?—спросили ее въ изумленіи.

— Я заливаю Казино,—спокойно отвѣтила она.

Казино была Головачевская деревня, въ Кашинскомъ уѣздѣ. Оказалось, что—дѣйствительно,—въ это время деревня горѣла, именно—въ ту минуту, когда матушка Елизавета лила за окно воду. Пожаръ, вдругъ, по необъяснимымъ причинамъ, совершенно прекратился.

Такое же необыкновенное дѣло видимъ мы въ жизни святаго Василия Блаженнаго, знаменитаго московскаго юродиваго.

Однажды, въ праздникъ, онъ сидѣлъ за царскимъ пиромъ у царя Іоанна Грознаго и, когда въ кубокъ ему налили вина, онъ чрезъ плечо выплеснулъ вино на полъ.

— Что ты дѣлаешь?—спросилъ его съ изумленіемъ царь.

— А я, Иванушка, пожаръ въ Новгородѣ заливаю.

Потомъ, дѣйствительно, оказалось, что въ этотъ часъ въ Новгородѣ вспыхнулъ сильный пожаръ, вдругъ необъяснимо прекратившійся.

Ведя жизнь подвижническую, утруждая плоть свою и возвышая духъ, сподобляясь тайныхъ озареній, монахиня Елизавета не могла со страхомъ смотрѣть на смерть. Послѣ тридцати

пяти-лѣтняго подвига переходъ въ вѣчность представлялся ей желаннымъ и милымъ.

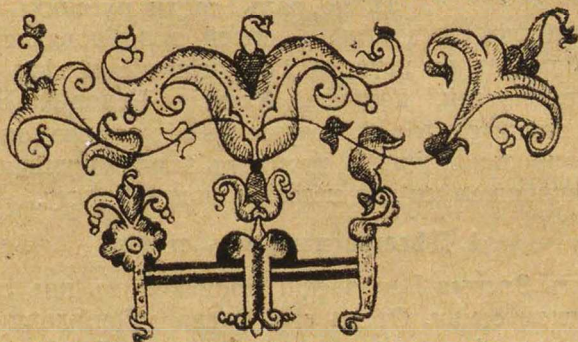
Предсмертная болѣзнь ея была — горловая чахотка. Задолго до смерти гортань ея была поражена такъ, что она не могла принимать не только твердой пищи, но и никакихъ жидкостей, даже воды. Но и тутъ не оставляли ее не измѣнявшіе ей никогда терпѣніе и упованіе на милость Божию.

Завѣтнымъ и всегдашнимъ ея желаніемъ было передъ смертью принять Святыхъ Тайнъ, и Господь, вопреки естественнымъ законамъ, далъ сбыться этому ея желанію: она сподобилась приобщиться.

По мѣстному преданію, передъ самой кончиной своей, монахиня Елизавета просила засвѣтить огня. Прежде, чѣмъ его разожгли, она увидѣла необыкновенный свѣтъ, услышала райское пѣніе и раздавшіяся въ душѣ ея чудныя слова Христа Спасителя, слышанныя когда-то тайновидцемъ Іоанномъ Богословомъ и записанныя имъ въ его Апокалипсисѣ:

— «Вниду и свечеряю».

По кончинѣ ея, тѣло монахини Елизаветы оставалось не погребеннымъ девять дней. Оно не только не подверглось замѣтному измѣненію и не разлагалось, но становилось все лучше. Съ чуднымъ, разлитымъ по лицу выраженіемъ, мирно и глубоко радостная лежала она, какъ восковая...

СХИМОНАХЪ ЗОСИМА ВЕРХОВСКІЙ.

ОДНИМЪ изъ любимѣйшихъ сказаній русскаго народа въ житіяхъ святыхъ является повѣсть объ Алексіи—Человѣкѣ Божіемъ.

Алексій, Человѣкъ Божій, сынъ знаменитѣйшаго и приближеннѣйшаго ко двору византійскаго боярина Евѣиміана, въ день свадьбы своей оставилъ домъ родительскій и обвѣнчанную съ нимъ невѣсту и, отплывъ тайно во Святую Землю, вель тамъ жизнь нищаго, отдавая все свое время молитвѣ и, затѣмъ, никѣмъ не узанный, вернулся въ Царьградъ и дожилъ свою жизнь въ бѣдной убогой хижинѣ, въ саду при отцовскомъ дворцѣ.

И, не разъ, среди русскихъ молодыхъ людей богатыхъ и знатныхъ семей возобновлялся, — какъ можно наблюдать въ исторіи, съ измѣненіемъ тѣхъ или другихъ подробностей, подвигъ Алексія—Человѣка Божія. Они оставляли значительное положеніе въ міру и возможность широкой и привольной жизни, чтобы въ земномъ уничиженіи служить уничижившемуся для спасенія людей Христу.

І. Дѣтство и юность старца.

Старецъ Зосима Верховскій происходилъ изъ состоятельной и знатной семьи. Отецъ его, Василій Даниловичъ Верховскій, занималъ мѣсто воеводы въ Смоленской области, а мать, Анна Ивановна, происходила изъ благородной и богатой семьи Моневскихъ. Выдаваясь происхожденіемъ своимъ, Верховскіе еще болѣе выдавались своими душевными качествами. Они были благочестивы и усердны къ церквамъ, любили странчопріимство и были щедры въ отношеніи къ бѣднымъ, заботливо и милостиво обращались со своими крестьянами, не обре-

меня ихъ большими оброками. Семейство у нихъ было большое, именно—шесть дочерей и три сына. Но они не думали о томъ, чтобы оставить дѣтямъ большое наслѣдство и тратили легко и охотно свои средства на добрыя дѣла.

Въ одномъ изъ помѣстій своихъ, въ трехъ верстахъ отъ усадьбы, Василій Даниловичъ выстроилъ большую церковь. Такъ какъ имѣніе было близко къ большой дорогѣ, то часто заходили къ нему въ усадьбу странники и нищіе, которые получали у нихъ пристанище и пропитаніе. Своимъ собственнымъ крестьянамъ Верховскіе легко прощали всякія недоимки и поддерживали ихъ во время нужды. Даже бѣдные крестьяне другихъ помѣщиковъ въ своихъ бѣдствіяхъ: падежѣ коровы и лошади, недостаточности хлѣба—шли къ Верховскимъ. Шли къ нимъ и бѣдные мелкіе мѣстные дворяне. И за свои благодѣянія они требовали одной только цѣны: храненія ихъ въ тайнѣ.

Усердные къ церковнымъ богослуженіямъ и къ домашней молитвѣ, преданные чтенію святыхъ книгъ, они — вмѣстѣ съ тѣмъ—ревностно относились къ своимъ житейскимъ обязанностямъ. По увольненіи Василя Даниловича въ отставку они, живя въ помѣстьѣ, всѣми силами заботились о воспитаніи своихъ дѣтей.

Старець Зосима былъ младшимъ въ семьѣ и родился въ 1767 году. Отцу его въ это время было уже около шестидесяти лѣтъ, а женѣ—около сорока. Однажды, во время ночной молитвы, Василій Даниловичъ услышалъ голосъ, говорившій ему:

— У тебя родится сынъ. Не научи его свѣтскимъ наукамъ, но лишь закону Божію!

Въ радости упалъ Василій Даниловичъ на колѣни, благодаря Господа, и открылъ эту тайну своей супругѣ.

Младенецъ родился двадцать четвертаго марта, наканунѣ дня Благовѣщенія Пресвятой Богородицы. Такъ какъ въ этотъ день празднуется память преподобнаго Захаріи, то родители и назвали новорожденнаго мальчика Захаріей.

Съ юныхъ лѣтъ Захарія носилъ въ себѣ задатки, обѣщавшіе въ немъ праведника. Онъ былъ добръ и прямодушенъ, чувствителенъ сердцемъ, но при своей тихой кротости и молчаливости, когда сердце его было затронуто, бывалъ горячъ. Какъ младшій въ семьѣ, онъ безотлучно былъ при родителяхъ, стоялъ всегда у колѣнъ отца или матери.

Замѣчательно слѣдующее обстоятельство: когда у родителей его бывали гости и разговоръ шель о мірскихъ предметахъ, то мальчикъ не вслушивался въ разговоръ и не старался понять его. Онъ до такой степени не понималъ ничего, какъ будто передъ нимъ говорили на неизвѣстномъ, чужомъ языкѣ. Но когда его мать брала книгу житій святыхъ и читала ее

вслухъ, то все—вдругъ—становилось ему понятно. Особенно привлекали его житія пустынниковъ, и та жизнь казалась ему вѣнцомъ жизни, и его влекло подражать имъ.

Иногда онъ, до обѣда, убѣгалъ одинъ въ садъ или огородъ и молился тамъ, какъ умѣлъ. Послѣ молитвы онъ ѣлъ плоды и овощи, чтобы за обѣдомъ ему не захотѣлось мяса и даже хлѣба. Когда, однажды, родители замѣтили, что онъ ничего не ѣсть, и спросили его, почему онъ лишаетъ себя пищи,—онъ съ прямодушiемъ своимъ отвѣтилъ:

— Вы сегодня, кажется, читали житiе святаго пустытника: онъ въ пустынѣ питался только травами и овощами. Я тоже хочу быть пустынникомъ, хочу привыкать къ посту.

Родители огорчались этимъ и заставляли его употреблять всякую предлагаемую пищу, и онъ, хотя съ горечью, но подчинялся этому требованiю, утѣшая себя тѣмъ, что исполняетъ въ этомъ заповѣдь Христову о повиновенiи родителямъ.

Когда Захарiи исполнилось восемь лѣтъ, родители рѣшили начать его обученiе. Они не рѣшались отдать его въ какое-нибудь училище, боясь дурного влiянiя товарищей. Какъ и другихъ своихъ сыновей, они обучали его дома. Брату его Филиппу было уже тринадцать, а Илiи—одиннадцать лѣтъ. Уроки преподавали имъ: священникъ—законъ Божiй, учитель—русскую словесность и два иностранца—латинскiй, французскiй и нѣмецкiй языки. Старшiе братья учились хорошо, а Захарiю отца, помнившiй таинственныя слова, ничему не училъ, кромѣ Закона Божiя.

Однако, это рѣшенiе было поколеблено: къ отцу его все приставала жена, которая непремѣнно желала, чтобы Захарiя обучался всему, какъ и старшiе братья. Она говорила даже мужу, что впослѣдствiи, увидя братьевъ своихъ образованными, а себя нѣтъ,—онъ будетъ роптать на родителей. Но и тутъ проявилась воля Божiя, чтобы Захарiя отъ дѣтства шель не общими путями.

При послушанiи, кротости и робости своей, Захарiя прилежно старался постичь все, что ему преподавалъ тотъ или другой учитель, но изъ его старанiй ничего не выходило. Особенно же трудно было ему справиться съ французскимъ языкомъ, котораго онъ совсѣмъ не могъ понять, тогда какъ нѣмецкiй изучилъ недурно.

Эти неудачи повлекли то, что мальчикъ считалъ себя неспособнымъ и глупѣе не только родныхъ братьевъ, но и всякихъ простыхъ людей. Онъ научился терпѣнiю. Въ тихой, не жалуемой тоскѣ и въ тайнѣ оплакивалъ онъ, что ничего не можетъ выучить, и огорчался наказанiямъ, которыя на него налагали. Единственной его отрадой были уроки Закона Божiя,

которые онъ хорошо понималъ. Тутъ родители и учителя хвалили его за успѣхи.

Наконецъ, по долгомъ размышленіи, родители его увидѣли, что Богъ словно оберегаетъ мальчика отъ всякихъ мірскихъ знаній. Тѣмъ не менѣе, они просили учителей продолжать свое дѣло, не взыскивать съ Захаріи вины за его непонятливость въ мірскихъ наукахъ.

Между тѣмъ, Василій Даниловичъ чувствовалъ, что жизнь его склоняется къ закату. Только трое дочерей его были выданы замужъ. При родителяхъ находились еще трое дочерей—дѣвицъ и три сына. Такъ какъ у старика въ столицѣ и при дворѣ были вліятельные знакомые и родные, то онъ отправилъ всѣхъ трехъ сыновей разомъ въ Петербургъ, на царскую службу. Захаріи было тогда не болѣе пятнадцати лѣтъ.

Изъ тихой деревни и тихой семьи съ благочестивою жизнью молодые Верховскіе были посланы въ большую, шумную столицу и должны были вращаться среди товарищества богатаго и обеспеченнаго и часто нравственно испорченнаго. Надо было имѣть большую силу воли, чтобы молодымъ людямъ остаться тѣмъ, чѣмъ они были въ родительскомъ домѣ.

Всѣ трое Верховскихъ были опредѣлены въ гвардію, въ одинъ полкъ. Они жили всѣ вмѣстѣ, на одной квартирѣ, имѣя все общее, и были чрезвычайно дружны между собой. За ихъ простоту и ласковость товарищи и знакомые любили ихъ. Но тутъ же сказалось и слабovolіе старшихъ братьевъ. Они увлеклись карточной игрою и проигрывали деньги, присылаемые имъ отцомъ на прожитіе. Съ этими деньгами, весьма достаточными, имѣя—кромѣ того—изъ деревни всякую провизію, Верховскіе могли жить зажиточно, но всѣ деньги поглощались бездонною пропастью карточной игры. Младшій братъ, стоя въ сторонѣ отъ этого развлеченія, не показывалъ старшимъ, какъ ему тяжело изъ-за нихъ терпѣть лишенія и только въ минуты раскаянія братьевъ умолялъ ихъ оставить ихъ гибельное занятіе.

Въ этихъ волненіяхъ бурной молодости—братьевъ Верховскихъ неожиданно застала вѣсть о кончинѣ отца. Эта вѣсть причинила имъ искреннее и глубокое горе. Все въ жизни казалось имъ опостылѣвшимъ. Они рвались душой къ отцу на могилу, но не смѣли ѣхать домой безъ зова матери. Наконецъ, пришло ея распоряженіе, которымъ она предписывала имъ взять продолжительный отпускъ и ѣхать домой.

Когда они пріѣхали къ матери, она сказала имъ, что не надѣется долго жить, и хотѣла бы, чтобы дѣти при ея жизни, на ея глазахъ, раздѣлили имѣніе во избѣжаніе будущихъ раздоровъ. Родного брата своего она предложила въ посредники при дѣлежѣ наслѣдства, но дѣти просили ее, чтобы ихъ братъ

ская любовь и материнское благословеніе были единственными посредниками въ этомъ дѣлѣ.

Три замужнихъ дочери были выдѣлены отцомъ при жизни. Трѣмъ дѣвицамъ были предоставлены равныя съ ними части. Оставалось дѣлить движимое и недвижимое имѣніе между тремя братьями. Разговоръ о раздѣлѣ происходилъ въ большой комнатѣ, которую лишь перегородка отдѣляла отъ комнаты старушки Верховской. Мать, слушая бесѣду сыновей, радостно крестилась и въ слезахъ прославляла Бога, что дѣло между сыновьями устранивается такъ мирно. Все уже было почти кончено, какъ начался между дѣлившимися какой-то споръ.

— Я старшій,—съ возвышеніемъ голоса сказалъ братъ Филиппъ,—и хочу взять все это на себя одинъ.

— А я не уступлю тебѣ,—говорилъ второй. — Половина принадлежить мнѣ, а меньшему не дадимъ ничего.

— А я развѣ не сынъ?—противорѣчилъ Захарія.—И не та-кой же наслѣдникъ, какъ вы?

Испуганная этимъ споромъ мать поспѣшно вошла въ комнату и предложила позвать для примиренія спорящихъ братьевъ ихъ дядю.

— Нѣтъ, матушка,—кричалъ старшій братъ Филиппъ, поспѣшно вставая передъ матерью,—вы будете между нами посредницей. Я, какъ старшій братъ, одинъ хочу взять на себя долги батюшки. Они для меня не будутъ тяжелы.

— Они будутъ еще легче, если мы ихъ раздѣлимъ пополамъ,—говорилъ второй.

— А зачѣмъ вы хотите лишить меня участія въ нихъ?—продолжалъ настаивать Захарія.

Радостная мать бросилась передъ образомъ на колѣни, благодаря Бога, что у нея такіе великодушные сыновья. Она рѣшила, что сыновья должны заплатить отцовскій долгъ всѣ трое, поровну.

Вотъ—дѣти, которыя перессорились только изъ-за того, кому изъ нихъ должна принадлежать обязанность и честь уплаты отцовскаго долга.

Когда стали дѣлить послѣднее имущество: большое количество столоваго и чайнаго серебра и нѣсколько большихъ кадокъ меда, Захарія уговорилъ братьевъ серебро оставить имъ, а отдать ему весь медъ. Братья согласились съ тѣмъ, чтобы, по первому его требованію, если онъ измѣнитъ свое намѣреніе,—выдать причитающееся ему количество серебра. Захарія же радовался, что получилъ столько меду, говоря себѣ, что медъ былъ главною пищею великаго пророка, предтечи и Крестителя Господня Іоанна.

Одно время Захарія останавливался на мысли о женитьбѣ, онъ колебался. Когда онъ напоминалъ себѣ, что ему придется заботиться о женѣ и дѣтяхъ; что жена можетъ оказаться съ дурнымъ характеромъ, и дѣти выйдутъ неудачными; что надо будетъ вести хозяйство и держать въ рукахъ крѣпостныхъ, а иногда—и наказывать ихъ; что придется имѣть неудовольствія съ родными и сосѣдями,—то онъ впадалъ въ тоску. Но потомъ снова мечта раздѣлить жизнь съ особой, которая ему очень нравилась, привлекала его, и онъ не могъ придти ни къ какому окончательному рѣшенію.

Однажды, на новый годъ, видя, что молодежь гадаетъ, онъ пошелъ въ свою комнату и наединѣ горячо помолился, чтобы Богъ открылъ ему Свою волю. Помолившись, онъ перекрестилъ окно и двери и свою постель, легъ и уснулъ.

Господь, смотря на высоту намѣренія людей, не поставилъ ему въ грѣхъ его желанія—узнать будущее. Какъ только Захарія забылся, онъ увидѣлъ у кровати своей дѣвицу совсѣмъ другую, чѣмъ та, которая составляла предметъ его мыслей. Она была одѣта въ длинное бѣлое платье и скромно опоясана; голова ея была окутана бѣлымъ покрываломъ, очень тонкимъ и прозрачнымъ, сквозь которое сіяло небесной красотой ея лицо. Хотя ея глаза были опущены внизъ, на лицѣ ея было выраженіе ласковое, любезное и умиленное, и юноша смотрѣлъ на нее въ какомъ-то священномъ восхищеніи.

Когда онъ пробудился, онъ почувствовалъ себя духовно обновленнымъ. Уже не было никакихъ помысловъ о дѣвицѣ, къ которой только что недавно стремилась его мысль. Не было въ немъ и тоски. Всѣ прежнія его чувства были словно вытѣснены новою любовью къ небесной, мелькнувшей передъ душою его, дѣвѣ. Душа его стремилась куда-то за предѣлы видимаго міра, и онъ въ великомъ мирѣ и спокойствіи отдался волѣ Божіей.

Такія же видѣнія были въ юности и многимъ святымъ Церкви, которые тоже видѣли прекрасныхъ дѣвъ, являвшихся для нихъ олицетвореніемъ Христовой истины и добродѣтелей христіанства.

Передавая въ послѣдствіи этотъ необыкновенный случай изъ своей жизни, отецъ Зосима изумлялся милосердію Божію, которое даже чрезъ земныя привязанности привлекаетъ иногда человѣка къ небу.

Мудрецы волхвы занимались звѣздохетствомъ, и звѣздой были приведены ко Христу; Петръ любилъ ловить рыбу, и чудеснымъ умноженіемъ ловитвы былъ уловленъ самъ; Евстаеій-Плакида любилъ ловить звѣрей, и Господь, сидящій на херувимахъ, не возгнушался явиться ему на рогахъ оленя.

Такъ Господь чрезъ возвышенную любовь къ земному су-

ществу привлечь будущаго великаго старца Зосиму въ горнюю любовь къ Себѣ.

Только годъ прожила боярыня Анна Верховская послѣ кончины своего супруга. Такъ какъ послѣдняя болѣзнь ея казалась не опасной, то при смерти ея не было никого изъ ея дѣтей, кромѣ Захаріи. Она исповѣдалась и приобщилась святыхъ Тайнъ, крѣпко прижала къ своей груди икону Божіей Матери и, обнявъ спокойно младшаго сына, предала духъ.

Долго сынъ не могъ оторваться отъ груди умершей матери, заключенный въ послѣднемъ ея объятіи вмѣстѣ съ иконой Владычицы міра, заступленію Которой поручила его отошедшая. Когда онъ высвободился изъ этихъ смертныхъ объятій, то взявъ икону, поставилъ ее на столъ, со слезами помолился за душу матери и въ заключеніе воскликнулъ:

— Теперь Ты, Царица небесная, будь моею Матерью, Тебѣ вручаю всю жизнь мою!

По смерти матери порвались для молодого Захаріи послѣднія связи съ міромъ. Только ея жизнь держала его въ міру, такъ какъ она просила его не покидать ее до смерти. Ему хотѣлось тутъ же умереть и переселиться за родными своими въ небо. Зрѣлище смерти сдѣлало его сердце мертвымъ ко всему въ земной жизни.

Прежде, чѣмъ разстаться съ семьей Верховскихъ и сосредоточить свое вниманіе на одномъ Захаріи, опишемъ судьбу его двухъ братьевъ.

Бываютъ люди, которымъ, при всей духовности ихъ, Господь попускаетъ впасть въ одинъ какой-нибудь тяжкій грѣхъ, который составляетъ тяжелый крестъ всей ихъ жизни, или путаетъ всю ихъ жизнь.

Можно думать, что попущеніе это происходитъ для того, чтобы спасти человѣка высокой добродѣтели отъ опаснѣйшаго грѣха—гордости, которая могла бы развиться въ немъ, если бы жизнь его шла совершенно безупречно.

Эту мысль провелъ великій старецъ Серафимъ Саровскій въ своей бесѣдѣ съ однимъ молодымъ человѣкомъ. Попечительница старца Серафима, княгиня Грузинская, привезла однажды къ старцу на благословеніе своего племянника, молодого офицера, человѣка прекрасныхъ правилъ и идеальныхъ взглядовъ на жизнь. Благословляя его, старецъ, между прочимъ, предсказалъ ему, что онъ нѣкоторое время будетъ горькимъ пьяницей.

Благородно настроенный юноша ужаснулся ожидавшаго его позора. Но старецъ успокоилъ его и объяснилъ, что Го-

сподь для того, чтобы людей, которымъ угрожаетъ искушеніе гордости, держать въ настроеніи смиренія,—пускаетъ искушаться тяжкими грѣхами, которые держатъ ихъ въ состояніи самоуничженія, и которые потомъ эти люди искупаютъ искреннимъ покаяніемъ. Такова же была и судьба великодушнаго Филиппа Верховскаго, старшаго брата.

Единственнымъ его порокомъ была страсть къ картежной игрѣ. Онъ былъ уже женатымъ, когда получилъ наслѣдство отъ отца. Но вскорѣ онъ такъ запуталъ свои дѣла картежной игрой, что былъ принужденъ продать и то помѣстье, гдѣ жили его родители, и всю родительскую усадьбу.

Оставшись почти ни съ чѣмъ, онъ поступилъ на службу въ Москву, гдѣ получилъ мѣсто частнаго пристава. Въ то время полиція сплошь жила взятками, и тѣмъ ярче выразилось на этой службѣ безкорыстіе Верховскаго. Всякій годъ въ день Воскресенія Христова отъ утрени онъ шель къ людямъ, содержащимся въ заключеніи въ его части, и говорилъ имъ:

— Христосъ воскрес, братья! Господь сошелъ во адъ и всѣхъ освободилъ отъ узъ. Всѣмъ нужно радоваться въ этотъ святой день, и я васъ всѣхъ выпускаю, но прошу за добро мое не заплатить мнѣ зломъ. Вечеромъ въ Фомино воскресенье возвращайтесь всѣ сюда. Если кто не вернется, я отъ этого сильно пострадаю, но буду утѣшаться мыслью, что терплю это для любви къ воскресшему Господу и къ вамъ несчастнымъ. Тотъ человѣкъ, за котораго я пострадаю, будетъ самъ наказанъ и въ этой и въ будущей жизни.

Во все время жизни своей частный приставъ Верховскій прибѣгалъ къ этой мѣрѣ. И—чудное дѣло—ни одинъ узникъ не нарушилъ данное ему слово.

Изъ Москвы, повысившись въ чинахъ, Верховскій перешель на службу въ сѣверную столицу, ко двору. Его отличала милостями своими императрица Марія Феодоровна и была воспріемницей его дѣтей.

Но и тутъ бѣдность была спутницей его жизни. Онъ гнушался мздоимства, а все, что оставалось отъ необходимѣйшихъ расходовъ, уходило на карты и на милостыню.

Замѣчательна была кончина его. Почувствовавъ приближеніе смерти, онъ отправилъ жену и дочь въ гости. Потомъ самъ умылся, одѣлся во все чистое. Не имѣя силъ стоять на ногахъ, сѣлъ въ кресло, послалъ звать священника, исповѣдался у него, принялъ святяя Тайны, затѣмъ велѣлъ подать себѣ Евангеліе и, во время чтенія этой завѣтной книги, склонилъ на нее голову и отошелъ...

Второй братъ Верховскій, Илья, былъ человѣкъ пылкій, остроумный, чувствительный и любвеобильный, очень перемѣн-

чивый въ своихъ настроеніяхъ. Смерть родителей произвела на него сильнѣйшее впечатлѣніе. Онъ охладѣлъ къ міру и думалъ посвятить жизнь свою приготовленію къ вѣчности. Онъ навязывалъ старшему брату свое имѣніе, говоря, что ему самому не надо болѣе ничего, такъ какъ онъ идетъ въ монахи, и угрожалъ, что, если братъ не возьметъ себѣ его имѣніе, то онъ раздастъ все нищимъ.

— Могу ли я лишить нищихъ этой милостыни?—отвѣчалъ Филиппъ. — Пусть лучше самъ буду нищимъ, чѣмъ воспользуюсь ихъ частью.

Тогда Илья отдалъ младшему брату Захаріи въ полное его владѣніе все имѣніе, взявъ себѣ только три тысячи рублей взаймы у мужа сестры, которому Захарія обязался выплатить эти деньги. Илья было двадцать два года, когда онъ, освободившись отъ мірскихъ попеченій, поступилъ въ Аврааміевскій монастырь въ Смоленскѣ. Но такъ какъ родные и знакомые не давали ему здѣсь покоя, то онъ скоро же рѣшилъ уйти изъ этого монастыря.

Бывшій тогда епископомъ Смоленскимъ, преосвященный Пароеній, одобрилъ его намѣреніе искать себѣ уединенія вдали отъ родины. Но преосвященный засимъ произнесъ пророческія слова, которыя вполнѣ сбылись надъ его жизнью:

«Въ мірѣ скорбни будете, но дерзайте, Азъ побѣдихъ міръ».

Трогательны были часы, когда Верховскій увидалъ въ послѣдній разъ оставленное имъ отцовское имѣніе Лобково, въ которомъ отецъ его выстроилъ церковь. Илья не приблизился къ бывшему своему дому, и не зашелъ къ роднымъ, но остался переночевать вдали отъ дома, въ густой рощѣ. Онъ сидѣлъ на травѣ подъ деревомъ и, при свѣтѣ полной луны, любовался, въ послѣдній разъ, на сіявшій надъ селомъ крестъ родного храма, на видимый издали домъ, на большое озеро и дома, и здѣсь начерталъ онъ нѣсколько чувствительныхъ стихотворныхъ строкъ. Онъ поплакалъ, проводя ночь въ воспоминаніяхъ своего счастливаго дѣтства.

При восходѣ солнца онъ поспѣшилъ идти далѣе, чтобы не встрѣтить никого изъ прежнихъ своихъ крѣпостныхъ, которые должны были сейчасъ выходить на работу. Онъ боялся расстрогаться, если они станутъ плакать и умолять его остаться, такъ какъ за его ласку и незлобивость всѣ его очень любили. Онъ завидѣлъ вдали стадо. Пастухи на свирѣляхъ наигрывали свои пѣсни. Уже собаки почувствовали чужого человѣка и начали лаять. Онъ поспѣшно вышелъ на большую дорогу и быстро зашагалъ по направленію къ Рославию и Брянску.

Въ лѣсахъ, лежащихъ въ уѣздахъ этихъ городовъ, онъ посѣщалъ многихъ старцевъ, жившихъ жизнью пустынниковъ,

видѣлъ знаменитаго старца Василиска, дивился жизни этихъ старцевъ, много попользовался отъ ихъ наставленій, но остаться съ ними надолго не могъ. Его пылкій умъ не находилъ въ этой жизни достаточно для себя пищи, и простые эти старцы не могли разрѣшить всѣхъ его недоразумѣній, отвѣтить на всѣ его запросы.

И снова пошелъ онъ искать себѣ человѣка-руководителя, который вполне бы его удовлетворилъ.

Въ городѣ Брянскѣ онъ былъ задержанъ, такъ какъ его письменные документы, въ которыхъ онъ значился капитаномъ гвардіи, не соответствовали его наружному виду и бѣдной страннической одеждѣ. Его продержали въ мрачномъ, нечистомъ острогѣ до выясненія его личности.

Илья сталъ обходить пустыни и монастыри. Долго живя въ Кіевѣ, онъ научился рѣзной работѣ, именно—вырѣзывалъ въ маломъ видѣ изъ дерева иконы и этимъ промысломъ впоследствии себя содержалъ.

Тутъ опять, за свою простоту, ему пришлось попробовать тюремнаго заключенія. Онъ какъ-то сказалъ, указывая на ножъ, которымъ рѣзалъ по дереву:

— Я этимъ ножомъ дѣлаю себѣ деньги и ими содержусь.

За эти подозрительныя слова его заключили. А при допросѣ онъ объяснилъ:

— Этимъ ножомъ я вырабатываю себѣ деньги. Нужно мнѣ пять рублей, вырѣзываю небольшой, простенькій образокъ; нужны пятьдесятъ рублей, я дѣлаю лучшую и высшую работу.

Онъ велъ обширный журналъ своего путешествія, изъ котораго видно, что въ теченіе десятилѣтняго странствованія онъ прошелъ лѣшкомъ около двѣнадцати тысячъ верстъ, и не оставилъ безъ посѣщенія ни одного, кажется, монастыря во всей Россіи.

Наконецъ, онъ пришелъ въ сѣверную столицу и, нанявъ себѣ въ захолустной части города, подъ видомъ вольноотпущеннаго человѣка, небольшую квартирку, занимался рѣзбою по дереву, сбывая свои произведенія въ богатые дома.

Разъ пришелъ онъ со своей работой къ генералу-аншефу Шувалову, который, принявъ отъ своихъ людей его рѣзбу, потребовалъ къ себѣ самого мастера.

Когда Илья явился къ нему, тотъ былъ пораженъ его благородной наружностью. Глубокая задумчивость выражалась въ его привлекательныхъ чертахъ. Онъ былъ высокъ, молодъ, статенъ, хотя—вмѣстѣ съ тѣмъ—худъ и блѣденъ. Поговоривъ съ нимъ, Шуваловъ предложилъ молодому человѣку остаться жить у себя и работать, совершенствуясь въ своемъ искусствѣ.

Только тогда Илья открылъ ему свое настоящее званіе.

Илья около года жилъ у Шувалова, который мечталъ выдать за него свою племянницу и оставить ему все свое имѣніе, такъ какъ не имѣлъ дѣтей. Внезапная смерть Шувалова лишила его возможности осуществить эти планы, и Илья пришлось вернуться опять къ прежнему скромному образу жизни, на прежнюю свою квартиру.

Какъ-то пришлось ему поднести сдѣланный имъ образъ всѣхъ ангеловъ царской фамиліи Государынѣ Императрицѣ. Его искусство было оцѣнено, и онъ былъ сдѣланъ членомъ Академіи Художествъ съ одновременной значительной денежной наградой.

Внезапная болѣзнь его помѣшала получить ему эту награду, и за него обманнымъ образомъ получилъ ее одинъ его дальній родственникъ. Пострадавшій Илья не захотѣлъ судиться съ нимъ и рѣшилъ вернуться на свою родину. Тамъ онъ женился на небогатой дворянской дѣвицѣ, кроткой и благочестивой, Екатеринѣ Ивановнѣ Рачинской.

Ему удалось выкупить деревню, принадлежавшую его сестрѣ, у которой безъ вѣсти пропалъ въ военныхъ походахъ мужъ.

Мало-по-малу, дѣла его устроились. Онъ жилъ христіанскою жизнью, помогая нищимъ и страннымъ, благотворя, имъ могъ, опоражнивая свои карманы или отвязывая съ шеи платокъ для бѣднаго, если у него не было денегъ.

Насколько онъ былъ милостивъ, покажетъ слѣдующій случай. Какъ-то пришелъ къ нему зимой нищій, однорукій солдатъ, дрожавшій отъ стужи въ худой своей одеждѣ. Увидѣвъ этого солдата, онъ послалъ узнать отъ дворовыхъ людей, не дастъ ли ему кто лишняго тулупа, обѣщаясь владѣльцу купить новый. Дворовый на это отвѣтилъ, что лишняго тулупа ни у кого нѣтъ.

— У меня грѣшнаго двѣ шубы,—объявилъ тогда Верховскій,—а Господь сказалъ: «имѣяй двѣ ризы, да подастъ неимущему». Но какую изъ шубъ отдать ему:—старую? Но могу ли надѣть свои обноски на Христа?—Надо отдать для Христа новую шубу.

И онъ не пожалѣлъ для стараго солдата новой своей шубы. Солдатъ сбывъ ее за безцѣнокъ въ питейномъ домѣ, откуда шуба была выкуплена женой Верховскаго и возвращена мужу, причемъ—жена замѣтила, что надобно давать съ разборомъ.

— Я отдалъ мою шубу Христу,—отвѣтилъ Илья.—Господь ее принялъ отъ меня, хотя при твоей заботѣ она и возвращена опять мнѣ.

Къ крѣпостнымъ людямъ своимъ Верховскій относился съ любовью и заботою, очень любилъ своихъ дѣтей, но всегда

былъ печалень и задумчивъ: его грызла тоска, что онъ не сумѣлъ устоять въ монашеской жизни. Имѣя много знакомыхъ, всѣми любимый и уважаемый, онъ избѣгалъ людей, любилъ сидѣть дома; то читалъ духовныя книги, то упражнялся въ сложеніи духовныхъ стихотвореній, такъ какъ былъ большой любитель поэзіи.

Онъ самъ обучалъ своихъ дѣтей и любилъ, когда на душѣ его бывало тяжело, играть на скрипкѣ унылыя пѣсы и пѣть печальныя пѣсни, которыя самъ слагалъ.

Часто ночи напролетъ онъ проводилъ въ молитвѣ и въ горькихъ слезахъ. Лѣтомъ, взявъ съ собою Псалтирь или еще какую-нибудь священную книгу, а также карандашъ съ клочкомъ бумаги, проводилъ, уединяясь, цѣлый день въ лѣсу.

Домъ его родителей стоялъ у большой дороги, и онъ часто выходилъ на нее, чтобы созвать къ себѣ странниковъ и бѣдныхъ. Часто бывалъ въ церкви и твердо исполнялъ всѣ ея уставы. Особенно строго, по-монашески, соблюдалъ онъ посты, упрекая себя, какъ преступникъ, въ томъ, что не провелъ свою жизнь въ одиночествѣ.

Пятнадцать лѣтъ жилъ онъ такою жизнью въ бракѣ, и скончался на пятидесятомъ году, оставивъ вдову и пятерыхъ малолѣтнихъ дѣтей. Жена его прожила послѣ него семь лѣтъ, не снимая траурнаго платья. Умирая, отецъ и мать поручили сиротъ своихъ покрову Царицы небесной.

Мы оставили Захарію Верховскаго въ его имѣніи только что принявшимъ отъ брата Ильи его часть наслѣдства.

Первое время онъ радовался тому сознанию, что онъ сталъ помѣщикомъ. Но внутренній голосъ постоянно упрекалъ его, что онъ забываетъ о духовныхъ стремленіяхъ, и образъ загадочной, прекрасной Дѣвы-христіанки, плѣнившей его въ томъ знаменательномъ видѣніи, вставалъ въ его памяти, смотря на него съ укоромъ.

Временами, онъ старался оправдать себя, говорилъ, что будетъ добрымъ господиномъ для своихъ крѣпостныхъ и составитъ ихъ счастье, что имъ будетъ тяжело, если онъ продастъ ихъ другимъ господамъ, что Господь не отвергнетъ его за то, что онъ изъ любви къ Нему останется въ міру.

Какъ-то разъ, когда онъ катался верхомъ на прекрасной лошади, принадлежавшей прежде брату его Ильѣ, и поравнялся съ церковью села Лобкова, полученнаго имъ отъ брата, вдругъ чья-то невидимая рука толкнула его въ грудь съ такой силой, что онъ еле удержался на лошади. Тутъ онъ услышалъ внятно произнесенныя, кѣмъ-то невидимымъ, слова:

— Ты самъ уйдешь въ монахи!

Эти слова поразили молодого человѣка. Въ великой задумчивости вернулся онъ домой. Замѣчательно, что въ колебаніи, которое тогда произошло въ немъ, ему помогъ человѣкъ, жившій самъ совершенно мірскою и даже развратною жизнью—его зять.

Зять этотъ былъ человѣкъ совершенно невѣжественный и, постоянно измѣняя своей женѣ, любимой сестрѣ Захаріи, дѣлалъ жизнь ея несчастною. Онъ былъ, впрочемъ, человѣкъ не злой и хорошо обходился со своими крѣпостными. Видя задумчивость Верховскаго, зять сказалъ ему:

— Что ты, братъ, все колеблешься? Вѣроятно, думаешь идти въ монахи, да рѣшиться не можешь. А подумай самъ, что ты потеряешь? Если вѣчной жизни нѣтъ, то ты одно только и потеряешь, что не будешь жить тою развратною жизнью, какъ живу я, и мы по смерти будемъ равны съ тобой. Но, если правда то, что будутъ и вѣчныя муки, и вѣчное блаженство, и царствіе небесное, то, уйдя изъ міра, ты—вѣдь—много передо мной выиграешь.

Эти слова склонили молодого Верховскаго приняться за подвиги духовные. Имѣніе свое онъ отдалъ сестрѣ своей—женѣ этого самаго зятя, потребовавъ у нихъ для себя только четыре тысячи рублей.

Захаріи Верховскому въ это время было девятнадцать лѣтъ, а происходило это въ 1786 году. Добрый совѣтъ, поданный зятемъ Захаріи, не остался безъ награды у Бога. Въ старости и въ болѣзняхъ этотъ человѣкъ созналъ всѣ свои бывшія грѣхи и пороки, и отошелъ къ Богу въ чистомъ раскаяніи, истиннымъ христіаниномъ...

II. Первые подвиги.

Пустыня всегда имѣла и будетъ имѣть великую силу надъ душой, которая хочетъ служить Богу ничѣмъ не развлекаемою службою. Тотъ величественный храмъ, какой представляетъ собою для вѣрующаго человѣка природа, таинственный шепотъ деревьевъ, голоса птицъ на утренней и вечерней зарѣ, журчаніе студенаго лѣснаго ручья—все сливается для слуха ихъ въ одинъ великій неумолкаемый гимнъ, какой вся тварь Господня воспѣваетъ своему Творцу и Промыслителю...

Ничто не стоитъ между душой человѣческой и ея Богомъ. Ничѣмъ не сдерживаемая, возносятся къ небу пламенныя молитвы забытаго міромъ и міръ забывшаго отшельника. И душа доходитъ, порою, до столь яснаго ощущенія близости Божества, что человѣкъ прислушивается: не приближается ли къ

нему Сушій, какъ нѣкогда—во дни рая—слыхалъ шаги приближающагося Божества блаженствовавшей въ раю Адамъ...

Захарія Верховскій принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые являются прирожденными подвижниками. Именно, люди такого склада особенно тяготеютъ къ пустынѣ. Понятно поэтому, что, получивъ свободу къ духовной жизни, онъ—прежде всего—о пустынѣ и подумалъ.

Въ то время въ Брянскихъ лѣсахъ нынѣшней Орловской губерніи спасалось уединеннымъ подвигомъ нѣсколько подвижниковъ, во главѣ которыхъ находился старецъ-іеромонахъ, отецъ Адріанъ.

Впослѣдствіи отецъ Зосима такъ вспоминалъ о своихъ первыхъ впечатлѣніяхъ въ этихъ лѣсахъ: «Отецъ Адріанъ встрѣтилъ меня съ великою радостью и благопріятствомъ: одинъ взоръ на него привелъ меня въ изумленіе, ибо онъ былъ въ худомъ и разодранномъ одѣяніи, лицомъ худъ и блѣденъ, тонокъ и сухъ тѣломъ и высокъ ростомъ. Я пробылъ у нихъ нѣсколько времени, смотря съ удивленіемъ на всѣ поступки ихъ, на всѣ вещи и дѣла ихъ. Все у нихъ было бѣдное и простое, только нужду ихъ удовлетворяющее: пища самая постная и убогая. Сверхъ всѣхъ положенныхъ правилъ молитвенныхъ, они еще вставали ночью и возбуждали другъ друга на молитву. Какого рода была жизнь ихъ, такія были и преуспѣянія. Какъ самъ отецъ Адріанъ, такъ и всѣ живущіе съ нимъ были кротки, молчаливы и послушны. И все, что только я видѣлъ въ нихъ и у нихъ, приводило меня въ удивленіе и благоговѣніе; но болѣе всего удивило меня еще то, что отецъ Адріанъ не взялъ отъ меня денегъ, которыя я отъ усердія жертвовалъ. Сіе столь безмѣрно изумило мой мірской младай разумъ, что я, не вытерпѣвъ, воскликнулъ: «О, чудо! Есть же такіе люди на землѣ, коимъ не нужно денегъ, ибо они презрѣли все временное...» Миръ и тишина жизни ихъ, удивительное простосердечіе и благоговѣніе въ обхожденіи другъ съ другомъ, духовная взаимная любовь и дружество между ними, также и дивное послушаніе и нелицемерная преданность и уваженіе ихъ къ начальствующему отцу Адріану, равно и его усерднѣйшее попеченіе о поддержаніи жизни ихъ, а болѣе о ихъ спасеніи: все сіе казалось мнѣ жизнью ангельскою и привлекало всю душу мою. Я размышлялъ самъ въ себѣ: какъ счастливъ буду я, если сподобитъ меня Богъ, подобно имъ, провождать такую же безмятежную жизнь въ безпрепятственномъ служеніи и угожденіи единому лишь Богу».

Для устройства своихъ дѣлъ Захаріи надо было съѣздить въ Петербургъ. При отъѣздѣ его отецъ Адріанъ далъ ему письмо къ своему духовному сыну, находившемуся въ Петер-

бургъ, намѣстнику Кіево-Печерской лавры. Въ немъ отецъ Адріанъ описывалъ, какъ тяжело ему живется изъ-за зависти мѣстныхъ батюшекъ. Такъ какъ многіе помѣщики избрали его своимъ духовникомъ, сельское духовенство завидовало ему и распространяло молву, что у него много золота. Привлеченные этой молвой, однажды на отца Адріана напали разбойники, сильно его исколотили, а другого монаха, отца Варнаву, убили до смерти.

Въ пустыни Брянскихъ старцевъ Захарія Верховскій особенно расположился душой къ отцу Василиску. Онъ былъ кротокъ и тихъ нравомъ, ласковъ и пріятель въ обхожденіи и благоразумень въ сужденіяхъ своихъ.

Окончивъ въ Петербургъ свои дѣла, Захарія, какъ птица на крыльяхъ, радостно поспѣшилъ въ дорогіе для него уже дѣса. Отца Адріана онъ тамъ уже не засталъ. Но предъ отъѣздомъ отецъ Адріанъ распорядился предоставить юному пустыннику свою келью.

Товарищи-пустынники говорили Захаріи, что лучше всего было бы для него, если бы отецъ Василискъ принялъ его къ себѣ въ ученики, и что многіе уже просились къ нему подъ начало, но онъ всѣмъ отказывалъ, говоря, что онъ самъ невѣжда и не можетъ никого наставлять. Съ горячей просьбою приступилъ Захарія къ отцу Василиску, такъ какъ чувствовалъ къ нему чрезвычайное расположеніе. Но отецъ Василискъ долго колебался.

Съ одной стороны, онъ самъ чувствовалъ большое расположеніе къ Захаріи, который съ такимъ рвеніемъ, съ такими свѣтлыми мечтами приступалъ къ духовной жизни. Съ другой стороны—боялся взять на себя руководство имъ, чтобы не лишить себя совершеннаго безмолвія. Нѣкоторое время онъ не давалъ ему рѣшительнаго отвѣта.

Между прочимъ, Захарія тутъ узналъ, что отецъ Василискъ былъ родомъ государственный крестьянинъ Калязинскаго уѣзда, Тверской губерніи, и что ему слѣдовало бы, по случаю истеченія срока его увольненія, явиться домой, а это было для него тяжело, такъ какъ онъ боялся встрѣчи со своими родными.

Въ ту пору была весенняя распутица. И—тѣмъ не менѣе—Захарія, чтобы послужить старцу, съ величайшею радостью взялся совершить за него это путешествіе. Вслѣдствіе разлитія водъ и распутившихся дорогъ, Захарія почти не могъ ѣхать, и большую часть пути прошелъ пѣшкомъ, промокая тѣломъ въ холодной водѣ, но радостный душою. Но крайне изнурившись тѣлесно, Захарія вернулся съ новымъ паспортомъ для отца Василиска.

Видя такую привязанность къ себѣ со стороны Захаріи, отецъ Василискъ не смѣлъ больше противиться его желанію жить подъ его руководствомъ. Онъ, прежде всего, посовѣтовалъ ему испытать себя въ жизни монастырской. Онъ откровенно рассказалъ юношѣ, сколько въ пустынномъ одиночествѣ приходится отшельнику терпѣть страшныхъ искушеній и мечтаній бѣсовскихъ, какъ бываетъ велика тоска унынія, и страхъ, нападающій на душу отшельника, какъ трудень и скорбень пустынный путь, недоступный неопытнымъ людямъ.

По этому совѣту отца Василиска Захарія рѣшилъ отправиться въ Коневскую обитель.

Все въ томъ же 1786 году отецъ Адріанъ принялъ Захарію Верховскаго въ число братіи Коневской обители. По желанію новоначального, на него были возложены самыя трудныя послушанія. Отъ нихъ юноша, не привыкшій къ тѣлесному труду, уставалъ болѣе другихъ. Тогда отецъ Адріанъ ограничилъ послушанія Захаріи печеніемъ просфоръ и пономарничествомъ при церкви. Эти послушанія пришлись очень по вкусу юношѣ. При печеніи просфоръ онъ всегда говорилъ себѣ, что изготовленный имъ хлѣбъ назначается въ жертву Богу, что изъ него будетъ вынуть Агнецъ, и что на этотъ Агнецъ сойдетъ Духъ Святой, претворяя его въ тѣло Христово. Поэтому онъ пекъ просфоры съ великимъ трепетомъ и благоговѣніемъ и утѣшался, что Господь поставилъ его на столь важное послушаніе.

Когда же, по пономарскому служенію своему, онъ входилъ въ алтарь и приближался къ жертвеннику, ему казалось тогда, что онъ входитъ въ самое небо. О немъ можно было сказать словами псалма: «Работайте Господеви со страхомъ и радуйтесь Ему съ трепетомъ».

Отъ природы тихій, кроткій и смиренный, Захарія преуспѣвалъ еще болѣе въ этихъ свойствахъ: онъ искренне считалъ себя ниже всѣхъ, на всѣхъ смотрѣлъ, какъ на святыхъ отцовъ, а на себя—какъ на грѣшнаго мірянина. Такимъ поведеніемъ онъ настолько расположилъ къ себѣ пустынниковъ, что никто не могъ, встрѣтивъ его, не сказать ему ласковаго слова.

Привязчивый Захарія полюбилъ и Коневецъ, и отца Адріана. Но этотъ старецъ для него не могъ, все же, замѣнить того Василиска, которому онъ отдалъ всю полноту своего молодого чувства. Онъ часто вспоминалъ Брянскіе лѣса и отца Василиска, и часто тосковалъ по нимъ.

Между прочимъ, ему въ Коневцѣ пришло пережить тяжкое искушеніе ненависти къ одному старому монаху. Этотъ человѣкъ изъ простолюдиновъ, весьма незатѣйливый и грубый въ обращеніи, но опытный въ своемъ пономарскомъ послушаніи, принялся учить знатнаго дворянскаго молодого человѣка,

какъ будто это былъ деревенскій мальчишка. Когда тотъ дѣлалъ что-нибудь хорошо—гладилъ его при всѣхъ по головѣ, а когда тотъ ошибался, то при всѣхъ выговаривалъ ему. Этотъ человѣкъ надоѣлъ юношѣ до омерзѣнія, такъ что и смотрѣть на него ему было противно.

Чувствуя въ этомъ вражье искушеніе, Захарія рѣшилъ преодолѣть его и сталъ силою принуждать себя оказывать старцу всяческое вниманіе. Напримѣръ, пономарь—по обычаю—всегда получалъ просфору. Эту просфору Захарія съ низкимъ поклономъ приносилъ старому монаху, и—съ помощію Божіею—онъ подавилъ въ себѣ это чувство ненависти.

Онъ не зналъ еще въ тѣ дни одного изъ сильнѣйшихъ и вѣрнѣйшихъ орудій въ борьбѣ съ помыслами и всякими искушеніями, именно—постояннаго чистосердечнаго откровенія помысловъ своему старцу. Прочтя объ этомъ въ святоотеческихъ книгахъ, онъ поспѣшилъ безъ утайки открыть свою душу отцу Адріану, и почувствовалъ въ этомъ для себя великую пользу. Видя подвиги его, доброе настроеніе и даръ разсужденія, дѣйствовавшій въ немъ не по лѣтамъ его, отецъ Адріанъ рѣшился постричь Захарію Верховскаго и назвалъ его Зосимой.

Отцу Адріану, по дѣламъ, приходилось бывать въ Петербургѣ. Онъ тогда бралъ всегда съ собою отца Зосиму. Эти поѣздки были сопряжены для юнаго монаха съ новыми искушеніями. То, что было высоко и, можетъ быть, даже поэтично въ пустынѣ, то казалось тяжкимъ и неприличнымъ въ нарядной и изысканной столицѣ.

Отецъ Адріанъ, будучи настоятелемъ, ходилъ въ толстой и худой одеждѣ и обуви, не любилъ ѣздить, передвигался по столицѣ пѣшкомъ, и отецъ Зосима долженъ былъ носить за нимъ старую сумку съ заплатами изъ разныхъ лоскутьевъ. Въ этой сумкѣ лежали нужныя для старца вещи и также пожертвованія, которыя ему дѣлали. Можно себѣ представить смущеніе отца Зосимы, когда онъ шелъ въ такомъ видѣ за старцемъ по знакомымъ петербургскимъ улицамъ—онъ, выросшій въ довольствѣ стариннаго и богатаго дворянскаго дома, бывшій гвардейскій офицеръ, у котораго Петербургъ былъ наполненъ знакомыми и сослуживцами! Смущеніе овладѣвало душой его отъ этого униженія въ такой степени, что онъ сталъ ненавидѣть отца Адріана и, чтобы побѣдить эти гибельные помыслы,—рѣшилъ чистосердечно открыться ему.

Однажды онъ упалъ въ ноги къ отцу Адріану и откровенно сказалъ ему:

— Прости меня, отче! Недостоинъ я называть тебя отцомъ моимъ, недостоинъ ходить за тобою. Ты достигъ безстрастія, а меня мучаютъ страсти самолюбія и тщеславія. Я стыжусь ру-

бища моего, стыжусь нести за тобою старую сумку. Если же встрѣчаю кого изъ прежнихъ моихъ знакомыхъ, то не вижу уже и пути предъ собою.

Старецъ понялъ смущеніе юноши, открылъ ему, что эти помыслы возникаютъ не въ немъ самомъ, а внушаются ему врагомъ, объяснилъ ему, что монахъ долженъ быть, какъ мертвецъ среди міра, не обращать вниманія, хвалятъ ли, или осуждаютъ, почитаютъ или съ презрѣніемъ смотрятъ на него. Онъ пояснилъ, что нечего гнаться за тѣмъ, чтобы имѣть въ столицѣ тотъ изящный видъ, какъ большинство ея жителей, такъ какъ инокъ далъ обѣтъ нестяжательности, который не вяжется со стремленіемъ къ изяществу.

Этою исповѣдью предъ старцемъ юный инокъ совершенно оградилъ себя отъ этого искушенія.

Одинъ изъ коневскихъ монаховъ, отецъ Сильвестръ, часто бесѣдовалъ съ отцомъ Зосимою. Отъ него услыхаль юноша о сердечной молитвѣ. Отецъ Сильвестръ объяснилъ ему, что именемъ Іисуса Христа и непрестаннымъ призываніемъ этого имени можно лучше всякаго оружія побѣдить всѣ вражескія искушенія и набѣжавшіе помыслы. Смиренно, по благословенію отца Адріана, отецъ Зосима сталъ проходить молитву Іисусову и читать тѣ отеческія книги, въ которыхъ преемственно изложено ученіе объ умной молитвѣ.

Все это возбудило въ немъ еще большую жажду къ уединенію, которое необходимо для прохожденія молитвы Іисусовой. И все чаще и чаще стали вспоминаться ему Брянскіе лѣса и тотъ отецъ Василискъ, котораго онъ не могъ никогда забыть. Онъ сталъ усиленно проситься у отца Адріана въ Брянскіе лѣса. Отецъ Адріанъ не возражалъ ему ничего противъ этого стремленія стать ученикомъ отца Василиска. Онъ открылъ ему свое намѣреніе убѣдить отца Василиска переселиться къ нимъ на Коневецъ, такъ какъ на островѣ было достаточно мѣста для уединенной пустынной жизни.

Вскорѣ, дѣйствительно, отецъ Адріанъ собрался за сборомъ въ Смоленскъ и въ Брянскъ. Онъ взялъ съ собою, среди другихъ учениковъ, и Зосиму.

Сборъ шель успѣшно. Всѣ подавали отцу Адріану охотно, такъ какъ знали, что когда онъ жилъ одинъ, то для себя не принималъ ничего,—ни денегъ, ни какихъ-либо лишнихъ вещей изъ утвари и одежды, а только самое необходимое для пищи и для прикрытія себя. Теперь всѣ понимали, что онъ собираетъ не на себя, а на порученную ему обитель.

Можно представить себѣ радость отца Василиска, когда онъ увидѣлъ отца Адріана и отца Зосиму. Не могъ онъ насмотрѣться на старца Адріана, у котораго былъ игуменскій

жезль въ рукѣ и наперсный крестъ на груди, и на отца Зосиму въ монашескомъ одѣяніи.

Послѣ первыхъ изліяній взаимной радости отецъ Адріанъ сталъ уговаривать отца Василиска перейти къ нему на Коневецъ. Онъ говорилъ ему объ удобствѣ этого уединеннаго острова для жизни пустынной, и обѣщаль устроить въ лѣсу келью для старца, а другую—неподалеку—для отца Зосимы, такъ какъ тотъ тоже хотѣлъ приступить къ безмолвной жизни. По праздникамъ оба они являлись бы въ монастырь для присутствованія при всенощной и литургіи и, послѣ братской трапезы, удалялись бы къ себѣ въ уединеніе, не имѣя никакой заботы о внѣшнихъ нуждахъ.

Отецъ Василискъ согласился не сразу. Онъ говорилъ, что нѣтъ причинъ ему оставлять его лѣсное уединеніе, такъ какъ онъ къ нему привыкъ и чувствовалъ въ немъ себя хорошо. Окрестные жители доставляли ему все необходимое, пустытники-сосѣди поддерживали въ немъ духовный жаръ, лишніхъ же людей онъ совсѣмъ не видитъ. Отецъ Зосима во время словъ отца Василиска былъ сильно смущенъ: онъ боялся, что отецъ Василискъ не согласится ѣхать съ ними изъ Брянскихъ лѣсовъ на Коневецъ.

Но тутъ властно возвысиль голосъ старецъ Адріанъ. Онъ напомнилъ Василиску мнѣніе великихъ отцовъ, что всего полезнѣе жить близъ отца своего духовнаго и зависѣть отъ него, и грозилъ Василиску, что онъ, въ случаѣ непослушанія, перестанетъ считать его своимъ духовнымъ сыномъ. Тутъ отецъ Василискъ сдался и упалъ къ ногамъ отца Адріана.

По промысленію Божію, въ то время не оказалось дома владѣльца той лѣсной дачи, гдѣ жилъ пустытникъ, такъ какъ впослѣдствіи онъ самъ говорилъ: «Если бы я былъ тогда дома, то взялъ бы этого святого старца къ себѣ, и до тѣхъ поръ не выпустилъ бы его изъ своего дома, пока Адріанъ и всѣ ученики его не уѣхали бы въ Коневецъ».

Всѣ окрестности были опечалены отъѣздомъ отца Василиска, особенно же трогательно разставались съ нимъ пустытники. Они всѣ собрались провожать его и такъ плакали и рыдали, обмѣниваясь послѣдними словами, что плакалъ и Зосима, забывъ радость, какую вселяла въ него мысль, что, наконецъ, онъ больше не разстанется съ любимымъ наставникомъ. Долго провожали они его по дубравамъ и долинамъ, прося его не забывать ихъ въ своихъ святыхъ молитвахъ, и все это время слезы текли изъ ихъ глазъ, и вопли ихъ оглашали всю пустыню. Казалось, что и деревья подъ напоромъ вѣтра, пригибая къ землѣ вѣтви и листья, откланивались своимъ хозяевамъ, а вѣтеръ шорохомъ листья производилъ какой-то унылый шумъ.

Когда, наконецъ, надо было разойтись въ разныя стороны, иноки много разъ падали другъ другу въ ноги, и Василискъ съ Зосимой далеко отошли отъ нихъ, а вопли ихъ все были еще слышны.

Столь же сильное чувство пережито было при встрѣчѣ отца Адриана и его брати съ пустынникомъ Василискомъ и отцомъ Зосимой. Особенную радость переживалъ отецъ Зосима. Онъ всей душой радовался, что Господь внялъ его мольбѣ и далъ ему пожить подъ руководствомъ любимаго старца. Онъ не зналъ, какъ благодарить Бога за такую милость.

Тутъ отецъ Василискъ открылъ Зосимѣ свою душу. Онъ говорилъ ему:

— Всегда просилъ я Господа, чтобы послалъ мнѣ друга духовнаго, искреннаго, сердечнаго, единомушнаго, ибо и въ безмолвіи трудно жить одному. Сказано: «братъ отъ брата помогаемъ—яко градъ твердь» и «горе единому». Итакъ, я просилъ Бога, а самъ не рѣшался никого принимать, ожидая, пока Самъ Господь, имиже вѣсть судьбами, явитъ мнѣ такового. И, вотъ, съ перваго моего съ тобою свиданія, хотя ты былъ еще тогда совѣмъ юнъ лѣтами и въ свѣтскомъ еще одѣяніи, но душа моя прилѣпилась къ тебѣ столь сильною любовію, что какъ будто извѣстился я, что въ тебѣ даетъ мнѣ Господь просимаго мною. Не полагаясь, однако же, на свои чувства, я ожидалъ, что Господь устроить о насъ. Но когда увидѣлъ я, какъ жертвовалъ ты собою для меня недостойнаго, и примѣтивъ въ тебѣ постоянное и усердное желаніе жизни пустынной и подвижнической,—я, все еще не увѣренный въ своемъ сердцѣ, сдѣлалъ послѣднее испытаніе, отправивъ тебя въ Коневецъ. Наконецъ, и твое безотвѣтное послушаніе и не ослабѣвшая въ трехлѣтней разлукѣ твоя истинная ко мнѣ грѣшному любовь, и воля отца духовнаго,—все сіе теперь вполне увѣрило меня въ томъ, что на это есть воля Божія, и утвердило въ упованіи, что Господь соединитъ насъ вѣчною святою любовію. Видя же исполненіе Божьяго назначенія и взаимной святой любви нашей, могъ ли я воспротивиться сему? Благословенъ Богъ, благоволивый тако...

Тутъ отецъ Зосима рѣшилъ до конца жизни своей или до смерти старца Василиска никогда не разлучаться съ нимъ и быть у него въ совершенномъ повиновеніи, чтобы никогда и ничего не дѣлать безъ его воли и благословенія.

III. Отшельничество на Коневцѣ.

Отецъ Адрианъ, исполняя данное имъ слово, выстроилъ въ трехъ верстахъ отъ монастыря на уединенномъ мѣстѣ двѣ кельи—одну близъ другой—и благословилъ двухъ иноковъ на пустынную жизнь, поручивъ отцу Василиску отца Зосиму.

Отецъ Зосима находился въ это время на такой степени духовной жизни, что его многіе звали «молодымъ старцемъ». Многими понятіями онъ превышалъ самого отца Василиска: онъ былъ болѣе его образованъ, отличался блестящими умственными способностями. И отъ отца Зосимы пришлось Василиску узнать великое духовное сокровище — ученіе объ «умной молитвѣ».

Всѣми силами души своей устремился старецъ Василискъ къ этому сокровищу, вскорѣ овладѣлъ имъ и сталъ получать великія благодатныя утѣшенія, и тогда еще болѣе умножалась въ отцѣ Василискѣ та благодать, которую давно чувствовалъ въ немъ его ученикъ.

Отецъ Зосима не только не завидовалъ своему учителю, но любилъ и почиталъ его, какъ отца и наставника. Онъ никогда и ничего не дѣлалъ безъ его воли и благословенія. И не было тѣни мысли, которую бы онъ утаилъ отъ старца.

Объ образѣ жизни пустынниковъ могутъ дать понятіе отрывки изъ историческаго описанія Коневской обители:

«Пища пустытника постная и самая умѣренная, одежда нищенская; все нужное пустыннику доставляется изъ обители, а потому и онъ, въ свободное время, какъ для себя, такъ и для обители, трудится. Дѣла его идутъ такъ, что молитвѣ, псалмопѣнію, чтенію и рукодѣлію опредѣлено свое время и часы. Но какъ жизнь сія въ единоборствѣ требуетъ особливаго мужества и терпѣнія, то въ оную вступать позволяется только инокамъ, которые имѣютъ умъ, благодатію просвѣщенный, страстями сердце не поработанное, а наипаче—гнѣвомъ, завистию, уныніемъ, тщеславіемъ и гордостію; которые любовію къ Богу воспламенены, и еще большаго желаютъ съ Богомъ соединенія, отъ коего проистекаетъ неизреченное благодатное въ душахъ услажденіе. Вотъ, сокращенное описаніе жизни уединенной. Любитель безмолвія въ довольномъ разстояніи отъ обители пребываетъ одинъ въ пустынѣ, въ уединенной своей кельѣ».

Къ какому совершенству монашескаго подвига стремился отецъ Зосима, видно изъ слѣдующаго его собственнаго свидѣтельства: «Живя такъ тихо, спокойно и утѣшительно, я самъ

не понималъ, отчего тяготить что-то душу мою, и не мирна совѣсть? Думалъ я, думалъ, и потомъ сказалъ старцу: «Не то ли возмущаетъ миръ мой душевный, что у меня есть собственныя, мірскія мои деньги, хотя я объ нихъ никогда и не помышляю? Но, видно, отъ того такая и самому мнѣ непонятная тягость на совѣсти, что монахъ пустынный не долженъ имѣть стяжанія: не отъ сей ли причины не утверждается полное спокойствіе моея совѣсти? Я рѣшился уже отдать всѣ деньги нашему начальнику, благословишь ли мнѣ сіе, отче?» Старецъ Василискъ съ умиленіемъ отвѣчалъ мнѣ: «Самъ Господь вразумляетъ душу твою. Благословенъ Богъ!»—И такъ я немедленно съ горячимъ усердіемъ повергъ ихъ всѣ до копѣйки къ ногамъ отца Адріана, отдавъ ихъ совершенно въ его волю и распоряженіе, чтобы я и не зналъ, куда онъ употребитъ ихъ: и тогда точно свѣтъ увидѣлъ въ душѣ моея и миръ помысловъ и спокойствіе совѣсти».

Несмотря на пустынный образъ жизни, отецъ Зосима долженъ былъ иногда исполнять нѣкоторыя послушанія, требовавшія отъ него возвращенія въ міръ. Именно, однажды въ годъ, по волѣ отца Адріана, онъ ѣздилъ въ Петербургъ, гдѣ долженъ былъ обойти всѣхъ благодѣтелей и знакомыхъ обители и закупить для монастыря годовую провизію для братской трапезы, а также—и весь нужный для одѣянія иночествующихъ матеріаль.

Отецъ Адріанъ къ этому времени уже сильно ослабѣлъ и потому поручалъ эти поѣздки отцу Зосимѣ.

Для двадцатипятилѣтняго монаха такое пребываніе въ шумной столицѣ, которое продолжалось не менѣе мѣсяца, было не безопасно. Юному подвижнику приходилось жестоко бороться съ собою и держать себя строго въ рукахъ.

Съ благословенія отца Василиска онъ положилъ обѣтъ предъ Богомъ до тѣхъ поръ не видать женскаго лица, пока не перестанетъ ощущать хотя малѣйшее страстное движеніе, пока не будетъ для него все равно,—что мужской полъ, что женскій.

Чтобы смирять беспорядочныя движенія души, онъ въ теченіе трехъ лѣтъ носилъ тайно отъ всѣхъ, кромѣ старцевъ Адріана и Василиска, острую власяницу по голому тѣлу, которая была соткана изъ лошадиныхъ гривъ и хвостовъ, и отъ этого имѣлъ не заживавшія раны на тѣлѣ. Кромѣ того, онъ бодрствовалъ ночью и утомлялъ себя днемъ трудной работой, чтобы умертвить плоть.

Восемь лѣтъ смирялъ онъ такъ себя, и послѣ этого срока вдругъ ощутилъ, что борьба кончена, что онъ достигъ без-

страстія. Такъ, въ тридцатилѣтнемъ возрастѣ позналъ онъ уже состояніе духовное, почти безплотное.

Жизнь пустынниковъ проходила такъ, что по пяти дней они оставались въ своемъ уединеніи, а въ субботу шли въ обитель, ко всенощной. Въ воскресенье, послѣ литургіи, они сажались съ братіей за трапезу, и затѣмъ, взявъ у настоятеля на пять дней все нужное для пищи и работы, а также и книги для чтенія, къ вечеру воскресенья шли въ свое уединеніе.

Извѣстно, какъ полезно для монаха какое-нибудь рукодѣліе. Отецъ Зосима трудился въ переплетаніи книгъ и уставномъ письмѣ. Онъ также хорошо выдалбливалъ деревянныя чашки и ложки. Отецъ Василискъ умѣлъ дѣлать глиняную посуду и горшки. Они плели еще корзины, лапти, дѣлали изъ березовой коры лукошки и бурачки, до усталости собирали ягоды и грибы, и все то, что они за эти пять дней сработали и все то, что набирали ягодъ и грибовъ, приносили все съ собою въ обитель.

Переплетное мастерство было дорого отцу Зосимѣ по одному важному для него соображенію. Онъ былъ великій любитель почитать хорошія книги, и всякую книгу, которую ему отдавали въ переплетъ, онъ предварительно читалъ. Такъ какъ онъ былъ переплетчикъ хорошій, научившись этому ремеслу въ Петербургѣ, то ему охотно давали переплетать книги. Такимъ образомъ, у него всегда былъ ихъ большой запасъ. Но книги онъ бралъ въ переплетъ исключительно духовныя и никогда—мірскія.

Читая книги, онъ иногда дѣлалъ изъ нихъ выписки тѣхъ мѣстъ, которыя производили на него впечатлѣніе. Вообще, у него была счастливая и богатая память, такъ что духовное чтеніе чрезвычайно обогащало его душу.

Некнижный отецъ Василискъ въ это время предавался «умной молитвѣ», и держалъ себя въ смиреніи.

Отцу Зосимѣ, который боролся въ юномъ тѣлѣ своемъ съ плотскими движеніями, предстояла еще тяжелая брань съ помыслами тщеславія.

Одно время онъ сталъ убѣждать отца Василиска, что они слишкомъ много занимаются рукодѣліемъ и собираніемъ ягодъ. Онъ доказывалъ, что, какъ отшельники, они должны заниматься больше молитвою, чтеніемъ и богомысліемъ, что братія и безъ нихъ проживетъ въ довольствѣ, и что другіе иноки и безъ нихъ насобираютъ для трапезы достаточно ягодъ и грибовъ.

Отецъ Василискъ объяснялъ, что ихъ труды по сбору ягодъ и грибовъ являются малой благодарностью монастырю,

который обезпечиваетъ ихъ тихую и спокойную жизнь, и что братскія молитвы за нихъ, какъ людей трудящихся для братіи, полезны ихъ душѣ.

И въ простотѣ сердца Василискъ продолжалъ собирать ягоды и грибы, относя ихъ съ собою въ монастырь.

Отецъ Зосима, не сочувствуя этому, сталъ—наконецъ—укорять отца Василиска, что онъ не достаточно сосредоточивается и нарушаетъ свое безмолвіе изъ-за этихъ ягодъ.

Отецъ Василискъ объяснялъ юному отшельнику, что и собирая ягоды можно пребывать въ молитвѣ, что заниматься богомысліемъ можно не только въ кельѣ, но и въ полѣ, и въ лѣсу, и что прерывать эту работу можно отдыхомъ, посвященнымъ упражненію въ молитвѣ. Объяснялъ ученику своему и то, что надо жить въ смиреніи, не надѣясь на себя, но на молитвы отцовъ и братій, и не нарушать устава. И разъ Коневскій монастырь — общежительный, то надо сообщать съ братіями трудиться и служить имъ пустынными трудами.

— Посмотри,—говорилъ онъ кротко, — сколько вокругъ насъ ягодъ! Братіи ходитъ сюда за ними далеко, и если мы сами не будемъ собирать ихъ, то онѣ, вѣдь, пропадутъ.

Но отецъ Зосима не былъ съ нимъ согласенъ и, бросивъ самъ ходить съ нимъ за ягодами, началъ еще больше поститься, еще больше и дольше молился, и еще больше занимался чтеніемъ.

Постепенно онъ сталъ чувствовать въ молитвѣ какой-то холодъ, разстройство въ мысляхъ, испытывалъ досаду и какой-то разладъ со старцемъ. Совѣсть мучила его, ему было тяжело и, мало-по-малу, онъ сталъ приходиться въ отчаяніе. И если бы отецъ Василискъ не слѣдилъ за нимъ и не молился за него, то ему прозило бы впасть въ прелесть и погибнуть.

Какъ-то вошелъ къ нему старецъ и отецъ Зосима бросился къ нему въ ноги. Тотъ принялъ его въ раскрытыя объятія, какъ заблудшаго сына. И, какъ только старецъ сталъ говорить слова утѣшенія, все то тяжѣлое, что донимало до сихъ поръ отца Зосиму, — улетучилось. Ему стало легко и радостно, и съ тѣхъ поръ ничто больше не нарушало ихъ тихой жизни.

Въ Коневской обители они были такъ дороги братіи, что, когда въ субботу приближались къ обители, то вся братія бросала свои дѣла, съ радостью бѣжала къ нимъ, кидалась въ ноги и обнимала ихъ. Каждый старался поговорить съ ними наединѣ, открывая имъ свою душу. Отецъ Адріанъ приглашалъ ихъ ночевать у себя въ кельѣ, и вечеръ и утро проходило у нихъ въ духовной бесѣдѣ.

Коневскіе пустынники стали такъ извѣстны по всей округѣ,

что къ острову приплывало, именно—на воскресенье и субботу, много богомольцевъ. Всѣ хотѣли слышать отъ нихъ хоть одно слово, и народъ сталъ ходить къ нимъ въ ихъ пустыню. Иные просили молитвъ и благословенія, другіе совѣтовъ, третьи помощи въ искушеніяхъ. Имъ носили подарки и деньги, съѣстные припасы и холстъ. Они сами ничего не принимали, совѣтуя отдавать все въ обитель, и нѣкоторые изъ посѣтителей потихоньку оставляли свои приношенія у дверей. И все это отшельники передавали въ монастырь.

Такая извѣстность не только не утѣшала отшельниковъ, но тяготила ихъ, и они стали проситься у отца Адріана, чтобы онъ отпустилъ ихъ на Аѳонъ. Отецъ Адріанъ просилъ ихъ не оставлять Коневца и дожидаться, пока онъ отойдетъ изъ этого грѣшнаго міра.

Вскорѣ, принявъ на себя схиму, отецъ Адріанъ, нареченный Алексіемъ, удалился на покой въ Москву и поселился въ Симоновомъ монастырѣ, гдѣ и скончался въ 1812 году. Предъ отъѣздомъ изъ Коневца, онъ благословилъ пустынниковъ Василиска и Зосиму идти куда-нибудь въ дальнія мѣста и прибавилъ, что много мѣстъ ненарушимой пустыни въ Сибири.

Предъ отъѣздомъ онъ вернулъ Зосимѣ половину тѣхъ денегъ, что тотъ добровольно отдалъ ему, такъ какъ теперь эти деньги могли имъ въ пути понадобится.

Любителя монашества, митрополита Гавріила Петербургскаго и Новгородскаго, отецъ Адріанъ предупредилъ о намѣреніяхъ отшельниковъ, хлопоталъ объ исключеніи ихъ изъ числа Коневской братіи, и отдалъ имъ обоимъ ихъ свѣтскіе паспорта. Онъ совѣтовалъ имъ идти въ мірскомъ платьѣ, такъ какъ въ монашескомъ званіи и одеждѣ странствовать неудобно. Еще онъ далъ имъ совѣтъ и заповѣдь: вездѣ и послѣ всѣхъ молитвенныхъ правилъ пѣть или читать тропарь въ честь Казанской Богоматери — «Заступница усердная». Это было въ 1796 году.

По разлученіи съ отцомъ Адріаномъ, отцу Зосимѣ пришлось вынести нѣкое искушеніе. Братія коневская, глубоко его уважая и зная его духовныя дарованія и заботы о братіи, желала видѣть о. Зосиму свѣсимъ настоятелемъ. Они убѣдительно уговаривали его принять священство и стать начальникомъ обители. Было уже рѣшено послать съ просьбой о томъ нѣсколькихъ монаховъ къ митрополиту Гавріилу. Но отецъ Зосима, поддержанный въ этомъ отцомъ Василискомъ, безусловно отрекался отъ этого избранія. Братія должна была проститься съ мыслью видѣть отца Зосиму своимъ настоятелемъ, но они умолили его съ отцомъ Василискомъ не поки-

дать ихъ такъ скоро, и тѣ остались. Настоятелемъ былъ выбранъ нѣкій инокъ Вареоломей.

Неизвѣстно почему, но новый настоятель пожелалъ проявить надъ Зосимой свою власть и, безъ всякой вины со стороны Зосимы, не приведя никакихъ объясненій, приказалъ ему стать въ трапезной на колѣни. Смирился Зосима и безъ всякаго противорѣчія опустился на колѣни. Разсчетъ новаго настоятеля не удался. Онъ ожидалъ, что отецъ Зосима ему не покорится и что онъ предъ всѣми обличить его въ непослушаніи. Теперь же вся братія возроптала на вздорнаго настоятеля, тѣмъ болѣе, что оскорбленіе кроткаго Зосимы всѣ чувствовали такъ, какъ будто оскорбили всякаго изъ нихъ лично. Съ того дня настоятель сталъ оказывать отцу Зосимѣ всяческіе знаки вниманія.

Проживъ десять лѣтъ на Коневцѣ, Василискъ и Зосима рѣшили искать того совершеннаго уединенія, той истинной пустыни, по которой такъ давно томила ихъ душа. Они обратились съ прошеніемъ объ увольненіи изъ Коневца къ митрополиту Гавріилу. Этотъ праведный мужъ самъ зналъ ихъ и былъ предувѣдомленъ объ ихъ намѣреніи отцомъ Адріаномъ, котораго онъ чрезвычайно уважалъ. Поэтому митрополитъ не поставилъ имъ никакихъ препятствій.

И вотъ—они, простившись съ коневскою братією, пустились въ странствованія, намѣтивъ себѣ—прежде всего—гору Аѳонъ, съ ея монастырями. Но до Аѳона они не дошли. Трижды были они на русской границѣ и трижды должны были возвратиться назадъ. То шла война съ турками, то былъ карантинъ изъ-за свирѣпствовавшей тогда заразы, то была закрыта русская граница по какимъ-то государственнымъ соображеніямъ. Московскій состоятельный житель, Долговъ, по сочувствію своему двумъ странникамъ, снабдилъ ихъ всѣмъ нужнымъ для путешествія на Аѳонъ, и по своей добросовѣстности, оба они, возвращаясь, отдали врученныя имъ деньги обратно. Отказались они отъ своего намѣренія только тогда, когда получили отказъ на выходъ изъ Россіи по своему прошенію, направленному къ царствовавшему тогда императору Павлу Петровичу.

Тогда они обратились съ просьбою къ нѣкоторымъ купцамъ, посылавшимъ въ дальнія страны свои корабли, чтобы ихъ завезли на какой-нибудь необитаемый островъ и тамъ оставили. Но купцы возражали имъ: «А вдругъ какіе-нибудь варвары пристанутъ къ тому же острову, найдутъ васъ, возьмутъ васъ въ плѣнъ, и вы, вмѣсто того, чтобы наслаждаться

пустынножительствомъ, останетесь на всю жизнь у нихъ невольниками!»

Наконецъ, они обратили свои мысли въ ту сторону, на которую имъ раньше указаль уже отецъ Адрианъ, именно—на далекую Сибирь.

Въ тѣ давнія времена—почти вѣкъ съ четвертью назадъ—Сибирь была очень мало заселена, въ ней было множество такихъ мѣстъ, гдѣ едва ли ступала нога человѣческая.

Передъ ними были нѣкоторыя сомнѣнія... Холодный климатъ Сибири, который представляется страшнымъ для лицъ, тамъ никогда не бывшихъ, хотя—при ближайшемъ знакомствѣ съ нимъ—онъ оказывается далеко не столь тяжелымъ. Дремучіе лѣса, гдѣ бродятъ дикіе звѣри и гдѣ лишь изрѣдка, кое-гдѣ, видны люди—охотники, поселенцы изъ ссыльныхъ, каторжниковъ и бродячіе инородцы: все это ихъ пугало.

И вотъ, они—прежде всего—рѣшили поискать себѣ пріюта гдѣ-нибудь въ болѣе теплой странѣ, и начали свое странствованіе съ Малороссіи. Два мѣсяца прожили они въ лаврѣ, гдѣ были ласково приняты тогдашнимъ митрополитомъ Киевскимъ Героеемъ. Оттуда они пробрались въ Крымъ, обошли тамъ многія горныя мѣста, но не захотѣли тамъ поселиться, такъ какъ имъ пришлось бы быть окруженными иноплеменниками и иновѣрцами, не христіанами. Потомъ они стали присматривать уединенныя мѣста у Моздока на Кавказѣ, но опасались остаться тамъ изъ-за часто случавшихся набѣговъ горцевъ. Были они и въ Таганрогѣ, и въ Астрахани, и въ Казанскихъ предѣлахъ, заглянули и въ Азію въ Барабинскія степи, прошли Уральскія горы и, наконецъ, остановились они на рѣшеніи поискать себѣ пріютъ, все-таки, въ Сибири. Они хотѣли путешествовать тихо съ молитвою, избѣгая того разсѣянія, которое вносятъ шумные спутники въ видѣ обозовъ, къ которымъ часто приставали тогда люди въ дальнихъ странствованіяхъ, и другіе попутчики. Поэтому — они приобрѣли себѣ лошадь и, не спѣша, странствовали одни.

Нѣсколько разъ встрѣчали они затрудненія въ видѣ недоумѣнія, куда повернуть на распутьи. Однажды, когда они сворачивали съ большой дороги на проселокъ, многіе отсвѣтовали имъ ѣхать однимъ, такъ какъ въ этихъ мѣстахъ «пошаливали». Они не знали, на что рѣшиться, но хозяева одного обоза, встрѣтившись съ ними на постояломъ дворѣ, почувствовали къ нимъ большую жалость и усердіе и предложили проводить ихъ, при чемъ—говорили: «можетъ, если мы проводимъ этихъ Божьихъ людей, то Господь дастъ намъ съ выгодою продать нашъ товаръ тамъ, куда мы съ ними доѣдемъ?»

И на протяженіи цѣлыхъ двухсотъ верстъ они провожали и питали ихъ.

Вскорѣ послѣ того, оставшись одни, они подѣ вечерѣ очутились на распутыи. Вокругъ не было ни одной живой души, ни одного селенія. Внезапно подѣхалъ человекъ и указалъ имъ, куда ѣхать. Едва успѣли они сѣсть и оглянулись, чтобы поблагодарить его, какъ этого указчика уже не оказалось. Съ какимъ чувствомъ прославили они Бога, Который послалъ имъ въ помощь ангела.

Въ Тобольскѣ былъ тогда архіепископъ Варлаамъ, родной братъ митрополита Новгородскаго Гавріила. Къ этому благочестивому іерарху они явились съ письмомъ отъ владыки Гавріила, въ которомъ онъ просилъ брата принять и успокоить путниковъ. Преосвященный Варлаамъ ласково принялъ ихъ, далъ имъ покойный пріютъ въ Ивановскомъ монастырѣ, и они провели тутъ остальную часть зимы.

Съ весной преосвященный Варлаамъ далъ имъ свободу жить, гдѣ они захотятъ въ его епархіи, и выхлопоталъ имъ отъ губернатора документъ для свободнаго пропуска по всей Тобольской губерніи, съ предписаніемъ доставлять имъ нужныхъ проводниковъ.

Весну и лѣто провели они въ разѣздахъ въ округахъ: Ишимскомъ, Каинскомъ, Томскомъ, Енисейскомъ, Красноярскомъ и Кузнецкомъ. Въ этомъ послѣднемъ ихъ застигла зима. Они удалились въ глушь, за сорокъ верстъ отъ деревни. Въ дремучемъ лѣсу выкопали они себѣ землянку, и одинъ набожный крестьянинъ обѣщался доставлять имъ нужный—для ихъ пропитанія—провіантъ, и когда наступитъ весна,—вывести ихъ изъ лѣса.

IV. Въ Сибирскихъ лѣсахъ.

И, вотъ, сбылась мечта двухъ прирожденныхъ отшельниковъ,—та мечта, которая свѣтила имъ, можетъ быть, еще въ дѣтскіе годы, когда въ неокрѣпшемъ мозгу неизвѣстнымъ чудомъ возникаетъ картина той жизни, которою человеку придется жить, когда начинающее, Богъ знаетъ—какъ, складываться призваніе рисуетъ вдалькѣ тѣ картины жизни, которыя впоследствии силою этого призванія осуществляются...

Одни, безъ друзей, родныхъ и знакомыхъ, безъ всякихъ средствъ, съ однимъ лишь сокровищемъ упованія въ душѣ, странники поселились въ необъятномъ сибирскомъ лѣсу, въ жалкой холодной землянкѣ.

Сибирскія мятели холоднымъ дыханіемъ своимъ проникали въ это ничтожное убѣжище. Вѣтеръ и вихрь вели свою своеобразную музыку, но ихъ грѣлъ огонь любви къ Богу, который завелъ этихъ людей такъ далеко отъ мѣстъ, гдѣ они родились, и гдѣ могли бы жить въ довольствѣ.

Запасовъ сдѣлали они себѣ крайне мало. Вскорѣ оказалось, что ржаная мука у нихъ на исходѣ,—имъ пришлось примѣшивать къ мукѣ кору изъ ильмоваго дерева. Пока не настали сильные холода, они старались ловить рыбу въ нѣкоторыхъ рѣчныхъ заливахъ, но при холодахъ она вовсе перестала ловиться, уйдя ко дну. Они доѣдали уже послѣдніе запасы муки съ корой. Положеніе казалось безвыходнымъ. Приближался голодъ, а ихъ отъ всего міра отдѣляли непроходимые снѣжные сугробы. Тотъ крестьянинъ, который обѣщался привозить имъ припасы, съ великими усиліями повезъ имъ нѣкоторый запасъ, но вслѣдствіе снѣжныхъ заваловъ и ужасныхъ сугробовъ не рѣшился дотянуть возъ до ихъ хижины. Потомъ онъ сложилъ весь запасъ въ довольно далекомъ разстояніи отъ нихъ, добрался до ихъ землянки, описалъ имъ мѣсто, гдѣ былъ сложенъ запасъ, и затѣмъ уѣхалъ.

И, вотъ, чувствуя разслабленіе отъ скудной пищи, коекакъ добрались они до своего запаса, которымъ они на мѣстѣ и подкрѣпиться не могли. Все, что онъ привезъ, было: мука, крупа, соль и лукъ. Они надѣялись, что крестьянинъ привезъ имъ печеный хлѣбъ, но посовѣстились его объ этомъ въ время спросить. Съ ними не было никакой посуды, и они не знали, какъ имъ быть, потому что, не поѣвъ, они рѣшительно не могли идти обратно.

Но тутъ Василюкъ нашелся. Онъ снялъ съ себя балахонъ, разостлалъ его на снѣгу и перемѣшалъ на немъ снѣгъ съ мукой. Затѣмъ они развели огонь и на этомъ жару напекли себѣ лепешекъ, которыми и закусили. Привезеннаго запаса хватило имъ до конца зимы. Въ это время они стали поджидать къ себѣ того же крестьянина, который обѣщался вывести ихъ изъ лѣса, прежде чѣмъ начнется разлитіе водъ, которое вслѣдствіе громаднаго скопленія снѣговъ бывало въ тѣхъ мѣстахъ чрезвычайно значительно. Но собственныя заботы удержали крестьянина дома, и пустынники оказались въ трудномъ положеніи. Они начинали думать, что болѣзнь или смерть помѣшали ему въ исполненіи добраго намѣренія, а ждать, пока земля просохнетъ въ этомъ лѣсу, для нихъ было невозможно уже потому, что имъ не хватило бы пропитанія. И, вотъ, они сами рѣшили выйти изъ лѣса и добраться до ближайшаго селенія въ сорока верстахъ отъ нихъ. Пищи у нихъ оставалось

2015532295

на три дня. Они взяли съ собою свои книги, иконы, посуду, топоръ, кремни и огниво, а также и остатки своего убогаго сѣстнаго припаса.

Выйдя изъ кельи, они зажгли ее, чтобы въ ней не поселился какой-нибудь бѣглый и чтобы впослѣдствіи изъ-за этого не началось разслѣдованіе о томъ, кто эту хижину поставилъ здѣсь.

Опасаясь попасть по ту сторону хребта, гдѣ на разстояніи двухсотъ верстъ не было жилья человѣческаго, они забрали слишкомъ въ сторону и шли вдоль горъ, нависшихъ надъ долиной рѣки Томи. Послѣ трехъ или четырехъ дней странствованія, не видя предъ собою ничего, кромѣ непроходимыхъ лѣсовъ и высокихъ горъ, они поняли, что заблудились, и тотчасъ же уменьшили ежедневную порцію скудной пищи, чтобы не остаться вовсе безъ хлѣба.

По цѣлымъ днямъ имъ приходилось идти не ѣвши и вечеромъ, изнемогши отъ усталости, они, собравъ дровъ и разведя огонь, скудно закусывали несчастными своими лепешками. Въ такомъ скитаніи они провели цѣлую недѣлю и окончательно заблудились.

Нѣсколько дней не было видно солнца. Небо было въ тучахъ. Вѣтеръ вылъ, и среди этихъ ужасныхъ обстоятельствъ они поддерживали бодрость свою молитвою. Единственно, что позволяло имъ держаться одного направленія, была кора деревьевъ, такъ какъ осиновыя деревья съ сѣвера всегда имѣютъ видъ почернѣвшій, а съ юга—свѣтлый и чистый. Муки и сухарей оставалось у нихъ все меньше. Къ вечеру они растворяли этотъ запасъ въ водѣ и ѣли это мѣсиво, какъ похлебку безъ хлѣба. Но и эту похлебку употребляли они однажды въ день, передъ ночлегомъ. Отецъ Василискъ старался ѣсть меньше, чтобы больше оставлять отцу Зосимѣ. Отецъ Зосима старался набрать засохшей и гнилой рябины, которая казалась имъ вкусной, но и ея находили они мало.

Отецъ Зосима, имѣвшій лыжи съ подволоками, тащилъ санки, на которыхъ было наложено ихъ имущество и сѣстные припасы. А отцу Василиску на его лыжахъ было очень трудно подниматься въ гору. Бѣдный отецъ Зосима, видя старца своего ослабѣвшимъ безъ пищи и изнуреннымъ труднымъ путемъ по горамъ, плакалъ и о немъ и о себѣ. Его смущала мысль о томъ, что онъ, получивъ отъ Бога познаніе жизни духовной и дары, которыми онъ могъ бы послужить людямъ, въ случаѣ голодной смерти въ пустынѣ, уподобится рабу неключимому, зарывшему талантъ свой въ землю. Но отецъ Василискъ съ твердостью говорилъ спутнику своему, что Богъ не по-

пустить умереть имъ съ голоду, что если Богъ прокормилъ въ пустынѣ благодарный народъ израильскій, то неужели не пропитаетъ ихъ двоихъ? Въ этихъ обстоятельствахъ отецъ Зосима далъ Богу обѣтъ, что если онъ останется въ живыхъ, то будетъ служить духовной пользѣ тѣхъ людей, которые станутъ искать его совѣтовъ. И на этомъ обѣтѣ онъ успокоился.

И, вотъ, однажды поднялся сильный вѣтеръ—съ большимъ снѣгомъ и морозомъ. Среди этой мятели путники еле могли двигаться. Положеніе ихъ было тѣмъ хуже, что они были въ безлѣсной мѣстности, и негдѣ было нарубить дровъ. Силу вѣтра не ослабляли высокія деревья. Съ горы они оглядывались вокругъ, гдѣ бы выбрать мѣсто потише, чтобы заночевать. Вдругъ, у отца Василиска перервались путцы на лыжахъ. Не было никакой возможности идти дальше ни шагу, не было возможности и исправить въ такую бурю лыжи. Между тѣмъ, настала совершенная темнота. Добравшись къ мелкимъ кустамъ ельника, путники принуждены были расположиться подъ ними на ночь, и едва могли набрать немного хвороста, чтобы развести огонь. Не ѣвши со вчерашняго вечера, они рѣшили и тутъ не ѣсть, такъ какъ имъ хотѣлось поскорѣй уснуть. Но сильный вѣтеръ тушилъ огонь, ихъ постоянно засыпало снѣгомъ, и уснуть они не могли. Проведя безпокойную ночь, они при восходѣ солнца отправились далѣе. Дорогу имъ пресѣкла рѣка. Разлившаяся ея вода стояла въ уровень съ берегами, но отъ сильнаго мороза она казалась крѣпко замерзшею. Отецъ Василискъ пошелъ впередъ и, такъ какъ онъ былъ малъ ростомъ и сухъ тѣломъ, то благополучно перешелъ рѣку. Отецъ же Зосима, перейдя почти всю рѣку, вдругъ—почувствовалъ, что ледъ подъ нимъ проломился, и онъ опустился въ воду по самую грудь. Положеніе его было тѣмъ ужаснѣе, что ноги его были привязаны путцами къ лыжамъ, а лыжи увязли въ рѣкѣ, въ водѣ и въ снѣгу. Достать ноги рукой и вынуть ихъ изъ лыжъ было невозможно, такъ какъ до этого не допускалъ ледъ. Пришелъ, казалось, его послѣдній часъ. И въ эту, именно, минуту вѣра его вѣрующаго сердца выразилась въ такой молитвѣ, которая стрѣлой подымается въ небеса и вызываетъ чудо.

Утопая въ холодной водѣ, отецъ Зосима съ отцомъ Василискомъ разомъ воскликнули:

— Теперь Тебѣ, Владычице Пресвятой Богородице, намъ помогать!

Отецъ Василискъ подаль утопающему руку, а отецъ Зосима произнесъ:

— Быть можетъ, твоею рукой Матерь Божія помилуетъ

меня. Если же нѣтъ, я пушу твою руку, не втяну тебя за собою, но умру здѣсь одинъ.

«И—о, чудо Божіей Матери!—разсказываль въ послѣдствіи самъ отецъ Зосима:—вышелъ на берегъ такъ неожиданно, легко и скоро, какъ бы точно и не былъ погружившимся. И не понимаю, какъ вдругъ освободились изъ лыжъ ноги мои, привязанныя ременными путцами. Только Господь Богъ, ради Матери Своей пресвятой, премилосердной Владычицы нашей, восхотѣлъ еще даровать мнѣ жизнь и явить мнѣ, сколь облагодатствованъ мой старецъ: иначе, какую можно имѣть помощь увязшему по грудь во льду и въ водѣ съ привязанными къ ногамъ лыжами, отъ руки слабаго и изнуреннаго старца? И лыжи были такъ глубоко погружены и увязли, что послѣ едва могли вытащить ихъ крюкомъ, и то одна переломилась».

Въ такихъ простыхъ, но потрясающихъ силою и значеніемъ своимъ словахъ, вылилась въ ту минуту ихъ молитва. Именно—тамъ, гдѣ все кажется погибшимъ,—тамъ часто и разгорается, вызывая чудо, неборимая вѣра въ силу милосердной Царицы Небесной. И какъ часто—часто въ жизни и намъ, сломленнымъ горемъ, подъ гнетомъ несчастій безысходно тяжкихъ, надо восклицать: «Теперь Тебѣ, Владычице Пресвятая Богородице, помогать»!..

Однако, если отецъ Зосима и избѣгъ смертельной опасности, то этимъ приключеніемъ путники были измучены еще болѣе и не могли двигаться. На ихъ счастье трутъ и огниво несъ съ собою отецъ Василискъ, а то на санкахъ, которыя влекъ отецъ Зосима, они измокли бы со всей поклажей. На берегу были сухія деревья, но окончательно изнемогшій отецъ Василискъ не могъ поднять топора, а отцу Зосимѣ было ихъ трудно рубить въ мокрой обмерзлой одеждѣ. Снявъ ее, бѣгая и согрѣваясь въ одной свиткѣ, онъ нарубилъ дровъ, развелъ большой огонь, у котораго они оба обогрѣлись, обсушились и исправили лыжи. На этомъ мѣстѣ они провели около сутокъ, подкрѣпляясь сухарной похлебкой.

На слѣдующій день они чувствовали такую слабость, что сами еле могли двигаться, а тащить за собою санки уже не могли. Поэтому, они оставили ихъ со всѣми своими вещами подъ примѣтнымъ деревомъ, чтобы имъ можно было вернуться за ними, если бы они вышли въ какое-нибудь населенное мѣсто. Они захватили съ собою, по общему совѣту, только евангеліе маленькаго формата и книгу преподобнаго Исаака Сирина, какъ крайне нужную для отшельниковъ, и немного сухарей. Эти вещи въ сумочкѣ понесъ на себѣ отецъ Зосима.

Еле передвигая ноги, путники шли впередъ, но не видѣли никакого слѣда, никакой тропинки. Снова отчаялись они въ своей жизни, и вдругъ—блеснула имъ мысль дать обѣтъ, что если они останутся живы, то никогда—во всю свою жизнь—не будутъ вкушать молочной пищи, кромѣ тѣхъ дней, въ которые эта пища разрѣшается Церковію въ честь божественныхъ праздниковъ.

Въ тотъ же день они вышли на лѣсную дорогу. Это ихъ очень обрадовало, но они отъ слабости не могли идти далѣе и сѣли отдохнуть. Отецъ Василискъ сталъ тогда уговаривать отца Зосиму оставить его тутъ:

— Добредешь ты этимъ путемъ до какого-нибудь селенія и пришлешь за мною лошадь, сухари бери себѣ—дня на три тебѣ ихъ хватить. Ты будешь идти, тебѣ нужна пища, а я буду сидѣть здѣсь безъ дѣла, буду грѣться и могу умереть, не ѣвши.

Каково было любящему сердцу отца Зосимы отъ такихъ рѣчей дорогого старца!

— Лучше умру съ тобою, а тебя одного не оставлю. За чѣмъ мнѣ жить безъ тебя!

И, вотъ, кое-какъ они побрели дальше. Вскорѣ увидели они слѣдъ собаки. Надо блуждать, какъ они, долгіе дни въ безвѣстной мѣстности, привыкши къ мысли о голодной смерти, для того, чтобы понять, что значило для нихъ увидеть слѣдъ жилья. Когда они вышли къ рѣкѣ Томи, то различили человѣческіе слѣды. Удостоверившись, въ какую сторону обращены эти слѣды, они продолжали свой путь и, наконецъ, вышли на торную лѣтнюю дорогу. И, надѣясь добрѣе вскорѣ до селенія, закусили послѣдними остатками запаса.

Эта лѣтняя дорога еще не протаяла и часто они теряли ее подъ снѣгомъ, сбивались въ стороны, снова ее находили и, пространствовавъ такъ, съ великимъ утомленіемъ, нѣсколько верстъ, завидѣли—наконецъ—вдали деревню.

Не описать ихъ радости. Слезы потекли изъ глазъ ихъ ручьемъ. На устахъ ихъ слагались умиленные и благодарныя слова къ Господу Богу, сохранившему ихъ среди такихъ опасностей. Болѣе всего радовало ихъ то, что они были свободны во время этого страшнаго испытанія отъ всякаго чувства ропота и, если бы имъ пришлось умереть въ пустынь, умерли бы спокойно, прославляя волю Божию.

Еле дыша, достигли они деревни, жители которой уже слыхали о нихъ. Когда же они увидѣли ихъ предъ собою, живыхъ мертвецовъ, блѣдныхъ, изсохшихъ, въ истрепанной одеждѣ, то отъ всего сердца оказали имъ гостепріимство, давали имъ хорошую пищу и питье. Но они, изъ предосторожности,

употребляли ее очень мало, такъ какъ за это время отвыкли ѣсть. Черезъ два дня, на подводахъ, покрывъ ихъ шубами, крестьяне отправили ихъ въ волость. Тамъ встрѣтили они знакомаго писаря, который отправилъ ихъ, на подводахъ же, въ городъ Кузнецкъ. Горожане были потрясены ихъ прибытіемъ и всѣ о нихъ заботились наперерывъ.

Около двухъ мѣсяцевъ они были такъ слабы, что не могли употреблять обыкновенной пищи; употребляли самую легкую и въ весьма маломъ количествѣ. Они не могли ничѣмъ заняться и не имѣли силы ходить. Нервы ихъ были такъ потрясены, что они часто плакали, и все случившееся съ ними представлялось имъ столь ужаснымъ, что наводило на душу ихъ глубокую тоску.

Трехмѣсячное пребываніе въ городѣ Кузнецкъ ихъ, однако, совершенно выправило. Все, ими перенесенное, свойства ихъ характера, ихъ простота, доброта, безкорыстіе — привлекли къ нимъ сердца всѣхъ жителей. Имъ было такъ хорошо, и окрестности Кузнецка представлялись имъ столь удобными для жительства, что они рѣшили утвердиться тамъ. Ихъ привлекало къ Кузнецку и то, что во всемъ его округѣ не было ни раскольниковъ, ни иновѣрцевъ, а населеніе было добродушное, простосердечное и усердное.

Помолившись, они стали искать мѣста для новаго жительства, и нашли такое мѣсто за проливами, по имени Трикурые. Это мѣсто расположено въ пятидесяти верстахъ отъ Кузнецка и въ тридцати отъ деревни Сидоровки. Ближайшія же другія населенныя мѣстности лежали въ двухстахъ, пятистахъ и болѣе верстахъ.

Мѣсто это было окружено большимъ пихтовымъ и кедровымъ лѣсомъ и крупными озерами, въ которыхъ кишѣла рыба. Земля хорошо произрастала овощи и была богата ягодами. Тутъ выстроили они двѣ кельи, одну противъ другой, и въ нихъ поселились.

V. Райская жизнь.

Внутреннее свое настроеніе во время пустынной жизни отецъ Зосима передаетъ въ слѣдующихъ своихъ восторженныхъ строкахъ:

«Какъ можно (говоритъ отецъ Зосима въ житіи старца Василиска) въ точности описать всѣ тѣ внутреннія, духовныя чувствованія, которыя до такой степени усладительны, что никакое благополучное царствованіе не порадуетъ такъ и не успокоитъ, какъ пустынное житіе, ибо когда не видишь и не слы-

шишь и не водишься съ міромъ заблудшимъ, то и спокойствіе находишь, и умъ естественно устремляется весь къ единому Богу. Нѣтъ въ пустынномъ пребываніи ничего такого, что препятствовало бы или отвлекало отъ богослуженія, или мѣшало заниматься чтеніемъ Священнаго Писанія и питаться углубленіемъ въ богомысліе. Напротивъ, всякій случай и всякій предметъ побуждаетъ здѣсь простираться къ Богу. Кругомъ—дремучій лѣсъ, за которымъ весь міръ скрылся; только къ небу чистѣйшій и незаграждаемый путь, привлекающій взоры и желанія сподобиться переселенія въ тамошнее блаженство. Но если взоры сіи обратятся и на землю, разсматривая всю тварь, всю природу, то не менѣе восхищается сердце сладкою любовью къ Творцу всяческихъ, удивленіемъ Его премудрости, благодареніемъ Его благодати: даже пріятное пѣніе птицъ возбуждаетъ къ славословію и пѣснопѣнію молитвенному. Вся тварь содѣйствуетъ безсмертному духу нашему соединиться съ Творцомъ своимъ. А отъ соединенія души съ Богомъ какая бываетъ радость, какой страхъ, какая любовь, сладость, утѣшеніе, просвѣщеніе, трепеть, умиленіе, слезы и совершенное забвеніе самого себя и всего земного, — того и описать невозможно, ибо сказано: «пустыннымъ непрестанное божественное желаніе бываетъ, міра сущихъ суетнаго кромѣ».

Вотъ, плоды пустыннаго безмолвія. Но могутъ ли расти и созрѣвать плоды на деревѣ, не покрытомъ зеленѣющими листьями! А посему—и сія жизнь ихъ внутренняя была облечена во внѣшнюю, ей сообразную. Кельи ихъ были простыя, деревянные, убогія: одежда рубищная, пища самая постная, суровая и скудная. Но Господь такъ все облегчалъ и услаждалъ имъ, что иногда они съ чувствомъ страха и умиленія говорили между собою:

— За что намъ ожидать блаженства вѣчнаго, если мы здѣсь такъ блаженствуемъ,—совершенно покойны и довольны всѣмъ, отъ всего свободны: ибо по милости Божіей въ такое устроены мы положеніе, что не имѣемъ нужды заботиться ни о хорошей одеждѣ, ни объ убранствѣ келейномъ, ни о приуготовленіи хорошей пищи, поелику—не должно умолчать и сего, что бываетъ, благословеніемъ Божиимъ, нѣкое чудное измѣненіе въ простой суровой пищѣ,—точно прелагается она въ иное качество, вовсе не свойственное ей, въ какое-то пріятное и усладительное...

И сладость, какую чувствовали они въ молитвѣ, была имъ такъ дорога, что имъ не хотѣлось отнять и часа времени отъ тѣхъ занятій на хлопоты по своей трапезѣ. Поэтому—они рѣшили съ глубокой осеци недѣлю или долѣе заготовлять съст-

ные припасы, чтобы всю зиму затѣмъ проводить въ полномъ отреченіи отъ всего житейскаго. За это время они убирали произведенія своего небольшого огорода. Брюкву, свеклу и картофель они отваривали, а капусту оставляли сырой. Тутъ же на всю зиму пекли они травяной хлѣбъ, такъ какъ во всѣ дни своей пустынной жизни не признавали для себя хлѣба изъ чистой муки, а всегда смѣшивали ее съ травой.

Сдѣлавъ тѣсто въ большомъ количествѣ и наваривъ какой-нибудь похлебки, они все это замораживали и впослѣдствіи имъ нечего было готовить себѣ пищи; они только разогрѣвали состряпанное раньше.

Странный видъ являли эти отшельники. Когда имъ пришлось затопить печь для разогрѣванія своихъ припасовъ, они въ это время или стояли на молитвѣ или сосредоточивались, сидя, въ сердечной молитвѣ. Смотря временами пристальнымъ взглядомъ въ пылающій огонь, они размышляли объ огнѣ вѣчномъ, иногда плакали и горевали о грѣхахъ своихъ, иногда же разгорались горячею любовью божественною.

Къ тремъ часамъ пополудни они оканчивали свои молитвенныя правила. Тогда они отрубали топоромъ куски мерзлаго хлѣба и мерзлой похлебки и, разогрѣвъ свою трапезу въ печи, принимали пищу. Потомъ они до поздняго вечера занимались рукодѣліемъ. Совершивъ вечернее правило, они снова погружались въ сердечную молитву. Иногда не надолго засыпали, чтобы снова разбудить другъ друга къ полночи. Иногда до полночи не склоняли головы на жесткія лежа, которыя состояли лишь изъ деревянной скамьи и деревянной же колодки въ головахъ.

Они жили въ разныхъ кельяхъ, но трапеза была у нихъ общая, также—и труды, и молитва, и скудное ихъ имущество. Если же, въ жаждѣ совершеннаго безмолвія, имъ приходилось по нѣсколько дней не сходиться, то они стукомъ палочки подавали другъ другу вѣсть и о молитвѣ, и о трапезѣ. Иногда же ночью будили другъ друга, и такъ жили однимъ духомъ въ двухъ тѣлахъ.

Въ зимнее время имъ случалось не видаться, иногда, дней по пяти до субботы. Такъ приносили они въ жертву Богу самую для нихъ дорогую земную радость, свое неразлучное единеніе. И много видѣли они себѣ душевной пользы отъ такого полнѣйшаго уединенія.

Лѣтомъ имъ приходилось быть болѣе вмѣстѣ. Однажды въ годъ, надо думать въ началѣ великаго поста, до разлитія весеннихъ водъ они ходили на нѣсколько дней въ городъ Кузнецкъ, слушали тамъ божественную литургію, исповѣдывались

и причащались. Въ остальное время года къ нимъ трижды прѣзжалъ священникъ со святыми Дарами. Можно ли описать ту радость, восторгъ, благоговѣніе, счастье, умиленіе, ликование, трепеть, смиреніе, надежду, съ которыми они встрѣчали грядущаго къ нимъ Христа: «хотящаго заклатися и датися въ снѣдь вѣрнымъ»!

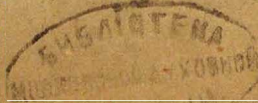
Многіе набожные люди посѣщали кое-когда пустынныхъ старцевъ, кое-что имъ приносили. Но отшельники не брали никогда ни отъ кого ни копѣйки и принимали лишь то, что было совершенно необходимо для ихъ питанія или одѣянія, и за то они старались отдарить жертвователей: отецъ Василискъ дѣлалъ глиняную посуду, отецъ Зосима—деревянную. Они налавливали также достаточное количество рыбы въ озерахъ близъ своихъ келій, для себя удерживали немного, остальнымъ отдаривали людей, приносившихъ имъ свои жертвы, такъ какъ они желали, сколько хватить силъ, питаться и содержаться своими трудами. Когда же въ большіе праздники усердствовавшіе приносили имъ что-либо для розговѣнья: яйца, сыръ, масло—все это они принимали съ благодарностью, и ничѣмъ не вознаграждали принесшихъ, считая, что это Богъ посылаетъ имъ для великаго праздника.

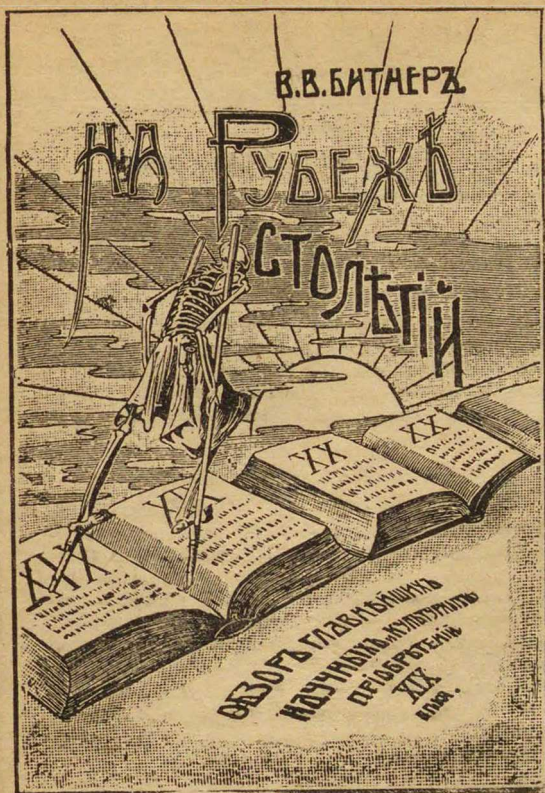
Постъ ихъ, вообще, былъ такъ великъ, что во время великихъ постовъ они часто по три и по пяти дней ничего не ѣли, находясь—при этомъ—въ глубокомъ безмолвіи и уединеніи. Особенно строго проводили они время святой Четырехдесятиницы. Тутъ они словно сраспинались Распятому, и чудно праздновали Воскресеніе Христово.

Вся ночь Пасхи проходила у нихъ въ чтеніи и молитвѣ сердечной. Потомъ, отпѣвъ свѣтлую утреню и часы, при недолгомъ отдыхѣ, они подкрѣплялись праздничной пищею и затѣмъ, взявъ съ собою Цвѣтную Тріодь, Евангеліе, какую-нибудь духовную книгу, часть праздничной ѣды, топоръ, котелокъ и огниво,—они отправлялись недѣли на двѣ, на три походить по пустынѣ, оставляя за собой незапертыя кельи.

Удивительно духовно-прекрасна была самая мысль, которая выводила ихъ изъ своихъ келій къ весеннему празднику природы. Этимъ обходомъ своимъ они словно эту природу, покорную Творцу, цвѣтушую въ Его славу, по Его волѣ, приобщали къ своей радости и наполняли дебри, долины, лѣса и луга пасхальными пѣснопѣніями, словно всю вселенную вовлекали въ ликование своего обрадованнаго Пасхой сердца.

Они ходили по лѣсамъ и долинамъ, по холмамъ и перелѣскамъ, по начинающимъ зеленѣть лугамъ и по берегамъ сладкозвучныхъ ручьевъ, не переставая повторять священные слова:

Образецъ переплета.

Это роскошно изданное сочиненіе обнимаетъ до 1200 стр. текста со множествомъ картинъ, таблицъ, хромофотографій и болѣе 1100 рисунковъ художниковъ: Каразина, Казанцева, Кившенко, Котляревскаго, Самокиша, Панова, Петровича, Соколовскаго, Самокишъ-Судковской, Овсяникова, Чикина, Дорэ, Риу, Жирара, Шпехта, Кунерта и друг.

Авторъ даетъ здѣсь не одно только живое обзорѣніе достигнутыхъ въ теченіе истекшаго вѣка успѣховъ въ разныхъ областяхъ умственной жизни человѣчества, но, заботясь о популяризаціи знанія, знакомитъ также, въ самой популярной, въ высшей степени **увлекательной формѣ** и съ самыми основами той отрасли культурнаго прогресса, обзоръ успѣховъ которой составляетъ цѣль того или иного очерка. Въ особенности обращено вниманіе на предметы, не входящіе въ кругъ преподаванія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Эти науки излагаются настолько подробно, что читатель получаетъ возможно цѣльное о нихъ представленіе.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

Часть I. ИСПОВѢДЬ ЗЕМЛИ. Очеркъ успѣховъ геологіи и палеонтологіи.

Часть II. СЪДАЯ ДРЕВНОСТЬ ЧЕЛОВѢЧЕСТВА. Очеркъ успѣховъ археологіи.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

Часть I. ОТКУДА, КТО И КУДА МЫ? Очеркъ успѣховъ естествознанія.

Часть II. ВЪ ВОЛНАХЪ БЕЗКОНЕЧНОСТИ. Очеркъ успѣховъ астрономіи.

Часть III. НАУЧНЫЙ ТЕАТРЪ—БУДУЩАЯ ШКОЛА ДЛЯ НАРОДА. Очеркъ успѣховъ народнаго образованія.

Цѣна каждаго тома 3 р., съ перес. 3 р. 50 к., въ роскошн. перепл. 4 р., съ перес. 4 р. 50 к.

ИЗЪ ОТЗЫВОВЪ ПЕЧАТИ ОБЪ ЭТОЙ КНИГѢ:

„Для самообразованія и освѣженія знаній книга эта, несомнѣнно, полезна“. „С.-Петербургскія Вѣдомости“ (№ 186, 1902 г.).

„Предметъ книги очень интересенъ, илл. въ большинствѣ случаевъ хороши и нѣкоторые отдѣлы (особенно изъ II тома) написаны увлекательно“. „Петербургск. Жизнь“ (№ 226, 1902 г.).

„Настоящую книгу можно рекомендовать, какъ хорошій подарокъ для юношества, но въ ней найдутъ много интереснаго и люди взрослые, мало знакомые съ естественными науками первобытной культурой“... „Волг.“ (№ 142, 1902 г.).

„Авторъ вполне справился съ поставленной имъ задачей. Не ограничиваясь однимъ только обзоромъ успѣховъ, достигнутыхъ наукой въ теченіе XIX вѣка, онъ знакомитъ также съ основами началами этихъ наукъ, благодаря чему книга его вполне доступна среднему читателю. Главное достоинство книги составляетъ богатство собраннаго въ ней матеріала и обиліе недурно выполненныхъ рисунковъ, исполненныхъ извѣстными художниками. Читается книга легко и вполне заслуживаетъ широкаго распространенія. „Казб.“ (№ 1377).

Издательство П. П. Сойкина (Спб., Стремянная, 12).

Полный каталог Издательства высылается бесплатно.

Сочиненія Е. Поселянина.

СВЯТЫНИ ЗЕМЛИ РУССКОЙ съ описаніемъ жизни и подвиговъ святыхъ и знаменій отъ чудотворныхъ иконъ. 218 стран. Цѣна 25 коп., съ пересылкой 40 коп.

До появленія этой книги у насъ не было ни одного справочнаго изданія по этой части; поэтому необходима книга, въ которой бы всякій, желающій посѣтить славнѣйшія русскія святыни, могъ имѣть точныя свѣдѣнія о нихъ. Настоящее изданіе и составлено съ этою цѣлью. Составитель описалъ въ ней всѣ наиболѣе чтимыя русскія святыни, жизнь и подвиги святыхъ и знаменія, бывшія отъ чудотворныхъ иконъ. Въ книгу вошли разказы о святыняхъ не только Петербурга, Москвы и Кіева, но и многихъ другихъ городовъ русскихъ.

ПУСТЫНЯ. Часть I и II. Очерки жизни ѳиваидскихъ отшельниковъ. 392 стран: Цѣна 75 коп., съ пересылкой 90 коп.

I. *Оглавленіе.* Введеніе. О происхожденіи монастыря.—Преп. Павелъ ѳиваидскій.—Антоній Великій. — Монастыри и духовное ученіе преп. Антонія. — Ученики преп. Антонія — Преп. Павелъ Прѣпростый. — Преп. Пафнутій. — Преп. Сисой. — Преп. діаконъ-мученикъ Аполлоній. — Преп. Іоаннъ Египетскій. — Преп. отшельникъ ниже-ѳиваидскій Аполлонъ. — Преп. Аммонъ. — Преп. Онуфрій. — Авва Исидоръ. — Авва Пафнутій и св. Таисія. — Преп. Патермуфій. — Авва Копрій. — Отшельники Доскоръ, Евлогій, Аппелій и Іоаннъ. — Отшельники Соломонъ, Дороеей, Діоколь, Капитонъ и Илья. — Окспринскіе отшельники въ Нижней ѳиваидѣ.

II. *Оглавленіе.* Предисловіе. Нитрійская пустынь и преп. Аммонъ.—Преп. Палемонъ и Пахомій.—Преп. Федоръ Освященный.—Преп. Макарій Александрійскій.—Въ «пустынь келій» (авва Веніаминъ, Исаакъ, Фодоръ, Павва, Аполлосъ, Маркъ и др.).—Пустыня «Скитъ» и преп. Макарій Египетскій.—Духовное ученіе преп. Макарія. — Авва Серапіонъ и авва Серенъ. — Авва Агафонъ.

ПУСТЫНЯ. Часть III. Очерки изъ жизни древнихъ подвижниковъ, 232 стран. Цѣна 50 коп., съ пересылкой 65 коп.

Содержаніе. Покаяніе Моисея Мурина.—Духовное ученіе преп. Моисея Мурина и его ученики.—Іоаннъ Малый, духовный отецъ преп. Арсенія Великаго.—Преподобный Арсеній Великій.—Духовное ученіе преподобнаго Арсенія. — Преподобный Пименъ Великій. — Духовное ученіе преподобнаго Пимена. — Преподобный Іоаннъ Лѣтвичникъ. — Отрывки изъ «Лѣтвицы». — Ученіе аввы Исаака о молитвѣ. — Преподобный Ефремъ Сиринъ. — Изъ наставленій преподобнаго Ефрема. — Молитвы и возношенія преп. Ефрема. — Монашеская жизнь св. Іоанна Златоуста. — Св. Василій Великій и св. Григорій Богословъ. — Родные св. Василя Великаго.

ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРИИ РУССКОЙ, ЦЕРКОВНОЙ И ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ въ XVIII в. 167 стр. Цѣна 50 к., съ перес. 65 к.

Наиболѣе выдающимся событіемъ русской церковной жизни въ XVIII в. было преобразование высшаго церковнаго управленія. Этому событію и дальнѣйшимъ мѣропріятіямъ и посвящена настоящая книга. Въ ней читатели найдутъ превосходно составленныя жизнеописанія Стефана Яворскаго, Іова Новгородскаго, Дмитрія Ростовскаго, Митрофана Воронежскаго, Ѳеофана Воронежскаго, Ѳеофана Прокоповича и мн. друг. Яркими чертами описана исторія опальныхъ архіереевъ, павшихъ жертвою въ смутную переходную пору церковной жизни. Къ достоинствамъ книги слѣдуетъ отнести прекрасное литературное изложеніе и искренній проникнутый сочувствіемъ ко всему русскому и православному, тонъ книги.

ПОЛНЫЙ КРУГЪ ГОСПОДНИХЪ ПРАЗДНИКОВЪ. Съ многочисленными иллюстраціями. Цѣна 50 к., съ перес. 65 к.

Рождество Христово. — Срѣтеніе Господне. — Крещеніе Господне. — Преображеніе Господне. — Входъ Господень во Іерусалимъ. — Воскресеніе Христово. — Вознесеніе Господне. — Пятидесятница.—Воздвиженіе честнаго и животворящаго Креста Господня.

